

ВОНЬ. УСТА ДИАВОЛА

18+

Сергей Буянов

Вонь. Уста Дявола

«Автор»

2026

Буянов С. Ю.

Вонь. Уста Дьявола / С. Ю. Буянов — «Автор», 2026

Живёт себе человек, живёт и ни о чём не задумывается. Но единственное чувство, вдруг, превращает его в центр Вселенной, вокруг которого вращается мир. Обыкновенное чувство обоняния открывает в Миклухе сверхспособности. Эта нескончаемая вонь, проникающая в каждую клеточку нервной системы, показывает истинную сущность окружающих. На самом деле они все рабы страстей: секса, воровства, стукачества! Каждый по отдельности и все вместе заслуживают кары! Однако все наши действия под контролем как светлой, так и тёмной половины Высших сил. По обычаю, тёмная сторона всегда заманчивей и веселей. Для её победы остаётся самая малость: портал уже открыт. Осталось чуточку поднапрячься, инферно или озоновая дыра готова принять в себя ни много ни мало – целиком весь мир. Спасать человечество приходится совсем другим людям и совершенно иными методами. Оказывается, блуд, мшелоимство и наушничество не подлежат физическому уничтожению! За дело приходится браться профессионалам.

© Буянов С. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Буянов

Вонь. Уста Дявола

Глава

Глава 1

На Севере длинная зима и долгая ночь взаимосвязаны. Чем короче день, тем ниже температура воздуха. Особенно холодно ближе к середине зимы. Мороз приходит на рассвете и крепчает в течение дня. Ночью он не спадает, а следующим утром продолжает нарастать.

Миклуха проснулся в морозное утро от непонятного стеснения в груди. Ему захотелось немедленно открыть форточку или выйти на свежий воздух. Голова его была тяжёлой, как с трехдневного запоя. Сам Миклуха постольку не пил, но по рассказам это состояние знал. Он посмотрел на часы. Светящиеся стрелки «Командирских», подарка жены, показывали четыре часа. Вставать ещё рано. До начала рабочего дня три часа. Рядом спала жена. Её упругое тёплое плечо едва касалось Миклухи. Он поднял голову, посмотрел на спящую Наталью. Подумал, что ему повезло в жизни. Наталья даст любой «Мисс мира» сто баллов форы! Двенадцать лет назад родила двойняшек, но это нисколько не отразилось на её фигуре. Маша и Ваня – прекрасные и симпатичные дети. На работе у Миклухи тоже складывается. Его ценят как мастера на все руки. Миклуха имеет пять специальностей: токаря, слесаря, каменщика, сварщика и электрика. Устроен электриком, но при случае выполняет любые работы, не требуя дополнительной оплаты. Начальник цеха, Иван Михайлович, обещает к лету коттедж на берегу реки, неподалёку от рабочего места. Чего ещё можно желать?

Как ни старался Миклуха взбодрить себя счастливыми мыслями, не мог душевно успокоиться и заснуть. Стараясь не тревожить жену, он повернулся набок и крепче закрыл глаза. Миклуха вспомнил, что читал о людях страдающих бессонницей. Сам он считал, что это бездельники. Они сидят в конторах, пишут бумажки и страдают головной болью. Постоять бы им за станком, погрузить цемент по полтора часа без перекура! И куда бы вся хандра исчезла? Спали бы, едва коснувшись подушки. Странно, отметил Миклуха, а он прошедший день так и пахал, почему проснулся? Миклуха решил: его что-то разбудило.

Прошлой зимой он просыпался, когда лопнули батареи в подъезде. В комнате было душно от электрообогревателей. В этом году запустили новую котельную, и в любую погоду в комнате форточка была открыта настежь. Кислорода хватало, и не было жарко.

Миклуха вышел в подъезд, перекурить. На лестничной площадке, стряхивая пепел в консервную банку, прилаженную к перилам, Миклуха продолжал думать о бессоннице. Он часто слышал по телевизору, что сердечники часто просыпаются от удушья и страха смерти. Ни того, ни другого он не испытывал. Только ощущение чего-то тяжёлого и аморфного заполнившего череп изнутри.

Докурив сигарету до половины, Миклуха пришёл к выводу, что он совершенно здоров. Когда болел гриппом прошлую зиму, курить было противно. Сколько дней Миклуха курил, столько и не курил.

Почему-то вспомнился некурящий двоюродный брат. Это он дал Николаю кличку Миклуха за страсть к путешествиям. Виктор когда-то учился в Духовной семинарии, но был отчислен на третьем году занятий. Сам он говорил, что за свободомыслие, Миклуха больше верил официальной версии: за систематические прогулы и неуспеваемость. Теперь Виктор живёт бобылём в тихой уральской деревушке, работает сторожем в единственном магазинчике и «познаёт смысл жизни». Брат говорил, что он часто не спит по ночам из-за активности тём-

ных сил. Он читает свои «талмуды» до первых петухов, затем валиться спать как мёртвый. Миклуха считает, что Виктор сменил день на ночь из-за своей работы.

И Наталья долго не могла уснуть, когда Миклуха служил в армии. К счастью, это продолжалось недолго. Всего пять месяцев. Родилась двойня, и Миклуха досрочно демобилизовался. Но жена не спала потому, что была беременной, решил Миклуха. В интересном положении чувства обострены, Наталья переживала за мужа.

Но за кого переживать Миклухе?

Его мать умерла во время вторых родов, вместе с ребёнком. Тогда Миклухе исполнилось четыре года. Отец отдал его на воспитание к тётке Насте, матери Виктора. Спустя два года после гибели супруги, отец покончил с собой в сумасшедшем доме. Во времена просветлений в голове, его отпускали на контрольные свидания. Отец приходил, приносил шоколадку, подолгу смотрел в глаза Миклухи и плакал. Вскоре его настроение изменялось. Отец начинал заниматься воспитанием сына. Вмешательство тётки спасало Миклуху от побоев. Больше родных у Миклухи не было. Родственники Натальи не в счёт. Родители отказались от дочери с момента её свадьбы – не то происхождение зятя. Мать Натальи занимала ответственный пост в городской администрации Москвы.

С Натальей Миклуха познакомились на БАМе, где она трудилась в стройотряде третьего курса МГУ. Спустя месяц они поженились. Университет был заброшен. Молодая пара зарабатывала на хлеб насущный самостоятельно. После БАМа были: Бодайбо, Магадан, Норильск, наконец, Север Тюменской области.

Миклуха стойко докурив сигарету до самого фильтра, его нисколько не стошнило. Убедившись, что совершенно здоров, Миклуха пошёл спать.

Зайдя в комнату, он наткнулся на цинковое ведро у порога. Замер. Тишина. Похоже, никого не разбудил. Он прокрался в половину, отгороженную занавесками из серого тюля. Это была самодельная «детская комната» где стояли две кровати: дочери и сына. Миклуха осторожно поцеловал дочь в носик – «копия матери» – погладил чёрный чуб сына. Пятясь, он вернулся в супружескую «половину», служащую залом, кухней и спальней одновременно.

Часы показывали половину пятого. Как ещё далеко до подъёма!

Миклуха повернулся к жене. А что, если? Но, посмотрев на её измученное лицо, Миклуха передумал. Наталье здорово достаётся за день: приходится работать уборщицей в трёх контрактах, следить за учёбой детей, готовить обед и ужин, выполняя кучу домашних дел одновременно. Миклуха ограничился лёгким прикосновением губ к устам Наташи.

Миклуха лёг на спину, закрыл глаза и начал мысленный счёт.

Первый станок в его цехе – Митрича, забулдыги–пенсионера, но мастера высочайшего класса. На обычном токарном станке он изготовил точную копию автомата Калашникова, подогнав его под патроны от малокалиберной винтовки.

Второй и третий станки простаивали. Их хозяева находились в производственном неоплачиваемом отпуске, по причине отсутствия заказов.

За четвёртым, финским станком работал молодой токарь Сучилович. Изредка он выполнял второстепенные заказы, но подавал большие надежды в профессиональном росте, потому что был троюродным братом начальника.

Пятый станок находился в длительном пятилетнем ремонте.

Пересчитывать станки справа налево и наоборот, не имело смысла. Миклуха стал считать деревья по дороге домой с работы. Первой, стоявшей почти у самой дороги, была изувеченная берёзка. Она выросла метров до трёх, несмотря на изогнутый спиралью ствол. Каждое лето берёза теряла половину веток. Мужики обдирали их, чтобы отмахиваться от комаров. Миклуха, глядя на несчастную берёзку, всякий раз хотел увидеть хотя бы одного придурка и сказать, что клещи на зелёных ветках страшнее комаров. Затем встречались три юных сосёнки, молодые побеги напоминали Миклухе о детстве. Маленьким он с пацанами жевал

их, считая «лесным хлебом». Пятой по счёту росла взрослая разлапистая сосна с мохнатыми ветками. На ней два месяца назад повешался сварщик Алексей, влюбившийся без ответа в главбухшу центральной конторы. При вскрытии висельника доктор определил тяжёлую степень опьянения. Сосна, потеряв одну лапу, каждый вечер напоминает печальным скрипом о бренности жизни.

Шестой по счёту растёт лиственница с большой муравейником у основания. Его частенько разоряют подростки. Застань Миклуха своего сына за таким занятием, оборвал бы ему пальцы! Так думал Миклуха, надеясь, что Ваня никогда не станет разрушать муравейник. Вслед за лиственницей рос густой кустарник до самого посёлка. Миклуха попытался по памяти подсчитать кусты, но быстро сбился.

А сон всё не шёл. Часы показывали только пять утра.

Сложив руки на груди, Миклуха пялился в потолок, предчувствуя напряжённый рабочий день.

Где-то в коридоре хлопнула дверь. Это сосед дядя Гриша отправился на рыбалку. Что ему, старику, делать? Ходит каждый день на подлёдный лов. Принесёт к обеду пять–шесть никому не нужных ершат, накормит кота и дрыхнет полдня. Вечером сноха разбудит и накормит. А Миклухе невыспавшемуся на работу топать!

Он стал считать верблюдов в пустыне. Представив себе раскалённый песок, на двадцать шестом верблюде Миклуха встал попить. Набрал полный ковш, но после первого глотка понял, что жажды нет. Миклуха вылил остатки воды в ведро и снова лёг. Теперь он уткнулся носом в затылок супруги, запутавшись в её длинных волосах. И тут Миклуху как кипятком ошпарило, он отпрянул от жены. Не почувствовал родного запаха! Миклуха потянул носом. Где чудный аромат смеси шампуня с духами и чуточкой пота? Ничего.

Миклуха приподнялся на локтях, посмотрел на Наталью. Он мог трогать жену руками, слышать дыхание женщины, за которую мог отдать всё, включая собственную жизнь. Видел знакомую родинку на левом плече, но не чувствовал запаха.

Миклуха поднялся, достал с полки горчицу, сильно потянул носом. Из глаз брызнули слёзы, а запаха не было! Наверное, виноват насморк. В последние три дня в цеху гуляли сквозняки. У Сучиловича сорвалась со станка большая болванка и пробила насквозь жестяную стенку приспособленного под цех арочного склада.

Миклуха вышел из комнаты, прошёлся по коридору до туалета. Он пытался высморкаться, но ничего не получалось.

Тогда Миклуха вышел на крыльцо освежиться. Столбик уличного термометра застыл на отметке –390С. Хватило нескольких секунд, чтобы кожа покрылась пупырышками. Захлопнув двери, Миклуха постоял на лестничной площадке. Выкурив ещё одну сигарету, он внюхался в полную окурков баночку. Никакого запаха не почувствовал.

Вернувшись в комнату, Миклуха испугался громкого голоса жены.

– Коля, уже пора вставать?

– Лежи ещё, радость моя! Только половина шестого! – он дважды поцеловал Наталью в щёку.

– Ты проснулся от избытка чувств?

– Можно и так сказать, – прошептал Миклуха, обнимая жену.

– Только не обижайся, я хочу поспать ещё полчаса. Давай отложим это до вечера...

Миклуха убрал руки, повернулся на спину и, закусив губу, уставился в потолок. Состояние странного оцепенения прервал требовательный звон будильника.

Глава 2

Виктор отдежурил сутки назад и спал как убитый, неожиданно в полночь его разбудил сильный толчок. За долю секунды содрогнулась левая половина тела: от пятки до виска.

Нечто похожее было у Виктора перед смертью матери. А впервые это случилось, когда двоюродный брат Миклуха сломал ногу. Он убежал из пионерского лагеря и заблудился в уральских горах. Тогда Виктору исполнилось четырнадцать лет. Он был очень напуган и рассказал матери о своей «трясучке». Мать решила, что это предчувствие, сигнал опасности. С кем-то из близких случилась беда! Так и оказалось. Наутро сообщили о потере Миклухи. Небольшой отряд горноспасателей отыскал беглеца в ущелье горы мертвецов Холат Сяхыл. Как ни странно, Миклуха не выглядел напуганным. Наоборот, чувствовал себя героем, уверяя тётку, что через денёк добрался бы до дома самостоятельно.

Последний раз братья виделись прошлым летом. Семья Хреновых гостила в Сосновке. Все загорелые, счастливые, удивительно похожие друг на друга. Виктору они казались единым организмом. Родство двух пар женских и мужских начал составляло душевное равновесие. Малейшие колебания жизненной энергии тотчас уравнивались плавной женской мягкостью или твёрдым мужским напором. Наблюдая за супружеской четой, Виктор радовался и был счастлив за брата.

Виктор полагал, что на работе с Миклухой ничего произойти не сможет. Имея высокую квалификацию и опыт, Миклуха не растеряется ни в каком случае. Тогда, с кем несчастье?

Если с Натальей и детьми? Виктор не знал, отреагирует ли на них. Степень родства уже не та.

Он сел в кровати, оглядел голые стены бревенчатой избы, затем прошёл к древнему комоду, обшарпанная стенка которого бледнела в лунном свете причудливыми географическими очертаниями. Виктор достал початую бутылку «Пшеничной», плеснул в гранёный стакан. Он сел за стол, покрытый газетами. Скатерть, отглаженная и аккуратно сложенная, хранилась в верхней полке комода в ожидании следующего приезда Хреновых. Виктор залпом выпил, закусил луковицей, зажёл керосиновую лампу и достал свой «талмуд». Так он называл сборник трудов по теософии и магии, составляемый им в течение десятка лет. Виктор смело использовал работы Блаватской и Папюса, совершенно несовместимых с ними: Иоанна Кронштадтского и епископа Игнатия Брянчанинова. В сборнике встречались менее известные, но ещё более противоречивые имена деятелей оккультных наук. Идея смешения религии и магии пришла в голову Виктора ещё в молодости.

После принятой дозы, в голове прояснилось. Виктор вспомнил последний разговор с братом. Он доказывал преимущества Православного христианства перед всеми иными конфессиями. Виктор настаивал на крещении всех Хреновых. Миклуха с непонятной упрямостью возражал.

Всё же Виктор окрестил племянника без ведома родителей. Получилось это неожиданно. Когда он провожал Хреновых, в областном центре пошли гулять с Ваней по городу. Ноги привели в Вознесенский храм. Мальчик не возражал. На протяжении обряда крещения он был серьёзен и весел одновременно. Больше всего поразило Виктора, когда племянник, выйдя из церкви, сказал: «Спасибо, дядя Витя!» Тем же вечером Виктор вернулся на электричке в свою деревню, размышлять о влиянии священнодействий на человека. Одновременно он начал скучать по родным, заметно перебрал и, не придя ни к какому выводу, заснул.

Виктор отложил прочь свой «талмуд», плеснул себе ещё. Выпил, посидел, уставившись в некрашенный затоптанный пол. Затем встряхнулся, улыбнулся своему отражению в треснутом наискось зеркале комода. Приняв решение, Виктор положил под подушку талисман из кости чёрного ягнёнка и провалился в глубокий сон...

Глава 3

Весь рабочий день Миклуха экспериментировал. Зайдя в слесарку, он склонился над банкой солидола, долго нюхал её. Затем дышал бензином из открытой канистры. Заваривая дыру в стене арочника, он совсем не чувствовал гари. Ни в одном случае Миклуха так и не почувствовал запаха.

После рабочей смены он пошёл в баню, попить пивка, расслабиться. Это всегда помогало при любом недомогании.

В бане встретился Митрич, в своём обычном состоянии. Глядя на него, невозможно понять: то ли не выветрился вчерашний хмель, то ли дед уже успел где-то поддаться.

– А, Маклай пожаловал! – обрадовался дед. – Что-то ты бледный. Не заболел?

– Похоже на то, Митрич. Решил пропариться.

– Дело полезное! Сейчас на каменку пивка плеснём, всю хворь как рукой снимет!

В парилке Миклуха уже не удивлялся, что не ощущает духа свежеиспечённого хлеба после того, как Митрич плеснул на каменку полковша пива. Некоторое время Миклуха сидел, не шевелясь, пока тепло не разольётся по всему телу.

Митрич плеснул ещё. Теперь кипятку. Новая волна жара обдала Миклуху, слегка подбросив его. Мужики начали париться. Митрич плеснул на каменку в третий раз. Мужики побросали веники и выскочили из парилки.

Тогда Миклуха с дедом принялись не спеша «охаживать ноги» берёзовым веником. Молодой паренёк, десятиклассник Игорь, собираясь уходить, глянул на Митрича. Дед кивнул. Игорь плеснул на каменку полный ковш кипятка и, прикрывая ладонями уши, выскочил из парилки.

Оставшись вдвоём, Митрич с Миклухой пропарили бока, грудь, наконец, кряхтя, захлестали по спинам. Жару не хватало. Миклуха спустился к крану с кипятком, набрал полковша и поддал на каменку. Подняв голову, Миклуха потерял из виду Митрича, полок и даже лампочку. В глазах потемнело.

Он присел, но продолжил париться. Голову стянуло брезентовой шапочкой, как железным обручем. Миклуха бросил веник и брезентовые рукавицы, скинул шапочку. Покачиваясь, вышел из парилки.

Как в тумане он прошёл до первой скамейки, сел на чью-то мочалку.

– Миклуха. Ты сегодня переборщил! – чей-то зычный голос вернул его к реальности.

Миклуха поднялся. Голова уже не кружилась, но тиски стального обруча не ослабляли хватки, хотя шапочка осталась в парилке.

Миклуха ополоснулся ледяной водой, встряхнул голову. Тупая боль прошла от носа до висков.

– А, Николай–Маклай! – услышал он в раздевалке. – Говорил я тебе, не со мной соревноваться! Закалка у вас, молодых, не та!

– Шёл бы ты, – пробурчал Миклуха, – не до тебя сейчас.

– Да ты не расстраивайся! – успокоил Митрич, снимая крышку с трёхлитровой банки пива. – Вот доживёшь до моих лет, будешь ещё сопляков учить уму–разуму.

Миклуха взглянул на старика, удивляясь своему тону. В их неофициальном соревновании Митрич побеждал в среднем раза два из десяти. И каждый раз при этом хвастался, забавляя мужиков и побеждённого соперника.

– Слушай, Митрич, нехорошо мне сегодня. Наверное, я в парилку больше не пойду.

– Наоборот, надо всю дурь вышибить паром!

– Нет. Не уговаривай, – Миклуха отпил пива, вернул банку деду. – Там, в шкафу, возьми моё пиво! А я ополоснусь, и домой!

– Да тебе ко врачу надо. Двигай сразу к хирургу! Мужик толковый. Скажет сразу, что и как. Если не знает – скрывать не станет. А то в прошлый раз, старуха моя настояла, сходил к этой бабе–терапевту. Очередь длиннющую высидел, а толку? Воткнула себе в уши трубки: «Дыши! Не дыши!» А потом бюллетень на три дня даёт! Что, спрашиваю, со мной? Глазёнки отвела. Что-то ляпнула типа ОРЗ–КПЗ и следующего вызвала. А я сходил в баньку, вот тебе и КПЗ – на другой день на работу вышел!

– А хирург?

– Парень конкретный, даром что молодой. В глаза посмотрел, по рёбрам постукал и сразу же сказал, что у меня ничего нету. Только посоветовал пить поменьше. Перегнул малость с этим, но что с него, молодой ещё! Так что, давай к нему завтра! Если париться не можешь, что-то серьёзное у тебя.

– Типун тебе на язык, Митрич, – проворчал Миклуха, одевая полушубок.

– К хирургу, всё равно зайди!

– Ладно, бывай!

Выйдя на улицу, Миклуха покрутил головой. Боли не было. Тогда он встряхнул голову сильнее – нормально. Обруч давил самую малость, как будто чувствовалась шапка на голове.

Вернувшись домой, он завалился в кровать, включил телевизор и устался на экран в ожидании жены.

Дети были в школе, участие в самодеятельности занимало всё их свободное время.

– Пускай играют. Глядишь, артистами станут. Как люди жить будут. Вон, сидят, пьют прямо в телевизоре! Веселятся да жалуются на тяжкую долю. Сами, небось, отродясь тяжелее ложки в руках ничего не держали, – сказал Миклуха вслух.

Глава 4

Сегодня Елена Андреевна была почему-то недовольна. Как всегда она носилась по сцене в потёртых джинсах, улыбалась, но придиралась к каждой мелочи. Раздражённо требовала беспрекословного выполнения команд: кто, где стоит, с какой ноги выходит, как при этом поворачивает голову.

Она работала в школе третий год после окончания института, оставаясь переполненной юношеским задором и энтузиазмом. Похоже, это помешало ей выйти замуж.

С лёгкой руки старшеклассников к Елене Андреевне прилипла кличка, принятая даже в среде родителей, – Егоза.

Объясняя новую тему, она не могла усидеть, вскакивала, подбегала к плакатам, затем к ученикам. Елена Андреевна вела главные, по её мнению, предметы: литературу и русский язык.

С короткой стрижкой под подростка, искрящимися карими глазами, маленьким ртом с тонкими губами, в неизменных джинсах и пиджаке в сочетании с туфлями на высоком каблуке, Елена Андреевна относилась к зарождающемуся типу учителя новой фармации.

В последнее время Егоза увлеклась драматической деятельностью. Она пыталась поставить некоторые акты пьес Гоголя, Грибоедова и Островского. Одновременное внимание к трём классикам не смущало Елену Андреевну – всё или ничего!

Сегодня юные артисты, ученики 6–9 классов путали слова, позы, имена своих персонажей. Самые талантливые, Маша и Ваня Хреновы, тоже скатились в сплошную импровизацию. Всё валилось из рук!

– Уже пятнадцать минут восьмого! Ребята, мы до сих пор не отрепетировали и половины. Похоже, все устали. На сегодня, всё! Завтра продолжим с новыми силами!

Ученики попрощались и быстро разошлись.

Оказавшись на улице, Хреновы стали действовать каждый по своему сценарию. Маша пошла в вагончик к подружке Вике, мать которой возвращалась с работы очень поздно. Девочки смотрели «видики», прыгали на кроватях, пили чай, не экономя сгущёнку. Они вырезали картинки из «Бурда моден» и «Плейбоя», склеивали их между собой в разных сочетаниях и находили себе ещё уйму развлечений, пока за сестрой не приходил Ваня. Это полезное время Ваня проводил в клубном спортзале. Там собирались пацаны разных возрастов. Они кувыркались на матах, изучая приёмы самбо, ломали доски ребром ладони, гоняли мяч или просто травили анекдоты.

Сегодня Ваня оказался в ударе. Он выиграл две схватки досрочно. Завалил, наконец, хвастуна Гордеева. Расслабившись, сидел теперь на матах и слушал одноклассника Колуна. Рассказывая какой-то боевик, Колун сбился и запутался, чем вызвал всеобщий смех.

– А ты чего ржёшь, Иванку? – возмутился Колун. – Ты что ли принёс расписку от мамки, чтобы ржать в общественных местах?

– Расписка-то есть, да только ты читать не умеешь!

Колун побагровел до ушей. Он пребывал по два года в четвёртом и шестом. Несмотря на свою тщедушную конституцию, он любил помахать кулаками. Результаты этой любви были видны издали. Кличку Колун получил за свой переломанный в нескольких местах шнобель.

– Уймись, Колун! Он же из тебя отбивную сделает! Хотя, толку-то! Что с тебя взять, одни кости! – сказал старшеклассник Игорь.

– Ещё посмотрим! – вскочил Колун.

– Я сказал, угомонись? – протянул Игорь, зажав между пальцами нос Колуна. – Сядь! Отдохни! А то опять сливу накручу!

Наученный горьким опытом Колун не стал вырываться. Он присел на корточки.

– Ладно! Отпускай!

– Ты уже успокоился?

– Да.

– Н-не похоже, – пальцы Игоря сжались.

– Да! Да!!!

Как только Колун оказался на свободе, он рванул к стене, схватил засаленную фуфайку и попятился к дверям из спортзала.

– Ты в косяке, Хрен! И ты тоже, козёл! Вы ещё ответите! – выкрикнул он и выскочил из зала.

– Как отвечать будем, вместе или по одиночке? – улыбнулся Игорь.

– Как дёрнется, так успокоим! – сказал Ваня.

– Колун – психопат, – сказал философ Клим из девятого «Б», – Я у бати читал книжку, там про таких написано.

Отец Клим работал фельдшером.

– Надеюсь, психопатов, вот это, – сжав кулак, спросил Иван, – успокаивает?

– Не каждого, и не сразу, – покачал головой Клим.

– Главное, не ссы, Иван! – вмешался Гордеев. – Если что, я всегда помогу!

По-видимому, он начал уважать Ивана после сегодняшней схватки на ковре. По имени назвал, как старого друга.

– Справлюсь как-нибудь. Ладно, пора за Манькой, да домой!

Иван оделся и потихоньку потопал в сторону вагон-городка.

Глава 5

По дороге домой Наталья думала, что приготовить к ужину. При скудном однообразии, хозяйка средней российской семьи вынуждена творить чудеса. Наши женщины способны скрасить существование не только личным обаянием!

Можно сварить борщ, чтобы хватило и на следующий день. С другой стороны, на ночь лучше бы чего-нибудь полегче. Из имеющихся продуктов можно приготовить немножко картофельного пюре и подать на стол с солёными груздями. Если у едоков хватит терпения ждать ужина. Можно иначе, макароны по-флотски с тушёной и клюквенный кисель. Самый быстрый и невкусный вариант: Западный — яичница с кетчупом и по чашечке растворимого бульона. Наталья решила действовать по обстановке.

Детей дома не было. Муж смотрел телевизор. Никто не голодал. Не торопясь, Наталья принялась чистить лук.

Услышав дребезжание посуды, Миклуха поднялся с кровати и прокрался к жене сзади. На мгновение он замер, любясь гибким станом Наташи, затем изловчился и просунул руку под халатик. Миклуха поглаживал спину Натальи, не пропуская ни единого участка гладкой кожи, начав с шеи. Медленно добрался до лопаток и одним движением растегнул лифчик.

– Коля! Ты же хочешь кушать?

– Да! Но только самого сладкого!

Наталья обернулась вполоборота. Её упругая грудь оказалась в плену горячей ладони мужа.

– Помнишь утреннее обещание? – прошептал Миклуха, постепенно, но настойчиво продолжая движения.

Наталья отложила кухонный нож, попыталась что-то сказать. Жаркий поцелуй прервал её на полуслове. Миклуха легко подхватил жену на руки и увлёк за собой в пучину сладострастия...

На столе остался лежать недорезанный лук, по телевизору выступал очередной кандидат бесконечных выборов, а семья Хреновых осталась без полноценного ужина.

Глава 6

Вагон–городок находился на отшибе. Но именно с этого места началась цивилизация в лесном посёлке.

Вагончики – временные жилища нефтяников. Они металлические, на санях, чтобы перевозить на новые места. Со временем вагончики начали обрастать цоколем, пристройками, верандами и гаражами. Ещё раньше из вагончиков повыбрасывали печки–буржуйки, появилось центральное отопление и подобие канализации, когда все отходы, буквально сливаются «под себя».

Давным-давно из них выехали первые поселенцы. Никто теперь не поверил бы, что не в таком далёком прошлом, в вагончике жил местный мэр. Теперь он занимал трехэтажный особняк с железобетонным ограждением до километра по периметру.

Площадь внутри временного жилища рассчитанного на три-четыре года, невелика. Можно поставить две кровати в один ярус, стол и кресло. Потолок низкий, закруглён.

Расстановка временных жилищ проводилась вне всяких правил противоположной безопасности. Вновь прибывшие вагончики лепились, как попало, один на другой. Когда провели теплотрассу, вовсе не осталось места для проезда по городку. Проржавевшие развалюхи хозяйева обшивали свежими досками, текущие крыши перекрывали заново. В результате появились небольшие отличия между вагончиками. В тех, что поближе к посёлку, жили порядочные люди. Старожилы, обитавшие по пятнадцать–двадцать лет в единожды полученной в вечное пользование «временке». Чем глубже в городок, тем больше запущены вагончики. Дальше четвёртого ряда не рекомендовалось ходить даже днём. Там располагаются ночлежки – наземные коллекторы всех нечистот современного общества.

Мама Вики относилась к старожилам, всё ещё надеющимся на лучшие времена. Её вагончик находился во втором ряду. Ваня сто раз бывавший у Вики, всё равно часто путал однообразные жилища. Покрытые чёрной плёнкой стены и узорчатые решётки на окнах вводили в заблуждение, а порядковые номера ни о чём не говорили. Вслед за сто шестьдесят первым стоял одиннадцатый, а рядом приютился пятьдесят девятый.

Хрустящий снег предвещал похолодание. Яркое звёздное небо добавляло радости. Наверняка, занятия в школе отменят. Предчувствуя бессрочные каникулы и строя на них планы, Ваня не заметил, как прошёл мимо нужного вагончика.

Тропинка упёрлась в бочку. Такой же вагончик, только цилиндрической формы и более благоустроенный – с ванной и туалетом внутри.

Ваня развернулся и пошёл обратно. В бочке хлопнули двери. За спиной Вани раздался звук битого стекла. Ваня забежал за ближайший вагончик, оглянулся из-за угла.

С железного крыльца бочки скатился молодой разгорячённый мужик в распахнутом белом полушубке. Он поскользнулся на осколках бутылки шампанского, выругался и пошёл по тропе. Ване пришлось отступить одной ногой в снег по колено.

Дверь бочки снова распахнулась, в клубах пара появилась женщина, швырнувшая вслед кавалеру букет ярко красных роз.

– И никогда! Слышишь, Петров? Никогда больше не приходи! – раздался выкрик Егозы. Петров, не оглядываясь, исчез среди вагончиков.

– Никогда! Никогда. Никогда... – всхлипывая, повторяла Егоза.

Ваня не успел скрыться за вагончик и попался на глаза любимой учительницы. Удирать поздно, он выбрался из сугроба на тропу и пошёл прямо к крыльцу.

– Ваня?! Он тебя тронул?

– Да нет, Елена Андреевна, я просто оступился.

Егоза взяла ученика за плечи и ввела внутрь. В свете тусклой сорокаваттной лампы Ваня увидел кровать у стены, аккуратно застеленную стёганым одеялом мышиного цвета. Напротив стоял металлический стол с испещрённой столешницей. Сохранившаяся местами полировка говорила об его лучших днях.

Егоза усадила гостя на край кровати, сама села на стул рядом. Не теряя времени, пока не растаял снег, Ваня стягивал валенок.

– Вот как я живу, Ваня, – сказала учительница, обводя стены глазами. Обшарпанные обои в ржавых потёках с потолка, местами оторвались от стен. Егоза разрыдалась, плечи её затряслись.

– Ты ведь никому не скажешь, правда?

Ваня молча кивнул, не смея шевельнуться.

– Вот и молодец, Ваня! – Егоза разрыдалась сильнее. Она обняла ученика, прижав его к себе.

Так и сидели напротив друг друга: ничего не понимающий ученик и отчаявшаяся учительница. Ваня от неожиданности не успел отвернуться и оказался прижатым к груди Егозы. Он почувствовал щекой, как набух её сосок.

– Хороший, Ваня, беденький Ванечка, – приговаривала Егоза, машинально поглаживая его по спине.

Ване вдруг захотелось дышать как можно глубже, чтобы ощутить запах женского тела. Между его ног появилась приятная тяжесть, под ширинкой взбух бугорок. Ване стало очень неудобно, он прижал ладонью предательский холмик. Набравшись смелости, он произнёс:

– Он больше не придёт, Елена Андреевна!

Ваня тотчас встал на ноги.

Егоза отпрянула, едва не оттолкнув от себя Ваню.

– Ты что тут делаешь? – спросила Егоза, стоя перед Ваней. На его глазах обиженная женщина превратилась в сурового преподавателя.

– Я? Я за сестрёнкой пришёл. Она тут, рядом, – оправдывался Иван, стоя одной ногой в валенке, другой – в луже растаявшего снега.

Елена Андреевна подала ему второй валенок, дала время обуться. Затем Егоза вежливо выставила его, напомнив о просьбе сохранить тайну её местожительства.

Свет в соседнем вагончике погас. Бледные блики полной луны освещали три ярко красные розы на фоне голубоватого снега.

Несколько секунд Ваня наблюдал эту картинку, затем сплюнул почти как Петров и зашагал к вагончику Вики.

Глава 7

Виктора разбудил непонятный шум, доносившийся из-под пола. Как будто что-то глубоко из земли плавно поднималось вверх. Дом не шатался. На землетрясение это не походило.

Виктор поднял голову, прислушался. Ничего не происходило. Он закрыл глаза. Тотчас мертвенно бледный свет проник через его веки.

Первой мыслью Виктора было: дали свет. Но какому идиоту пришло бы в голову чинить опору электропередачи, сбитую два года назад. Бульдозерист по-пьяни не заметил, что свалил столб. Он проелозил гусеницами и преспокойно поехал дальше. Нет, никто не станет чинить свет, да ещё посреди ночи. Чудес не бывает.

Виктор открыл глаза. Между разошедшихся половиц просачивался зеленоватый свет. Виктор сообразил, что дело нечисто. Он решил прочесть молитву вслух, но странное дело, язык не ворочался.

Свет всё усиливался, голова как прикованная не могла оторваться от подушки. Виктор попытался наложить на себя крестное знамение, но руки оцепенели. Оставалось лежать и пассивно наблюдать.

Постепенно свет начал сгущаться. Виктор заметил, как внутри избы всё окутала паутина толщиной в палец. Она плавно перемещалась по воздуху и вскоре опутала всё тело. Вездесущие нити проникли под одеяло и под нижнее бельё. Осклизлые, противно мягкие, но очень крепкие верёвки паутины внушали отвращение к какому-либо движению. Мало кто отважится раздавить таракана голой ладонью.

Над кроватью, в ногах Виктора свет сфокусировался в овальное пятно. Среди паутины вырисовывалась женская фигура. Женщина зависла в воздухе спиной к Виктору, подогнув ноги под себя по-турецки. Виктор отчётливо видел её загорелую спину и спадающие до лопаток волосы. Вокруг женщины стало заметно темнее. Паутина выглядела ещё противнее, но голого тела женщины не касалась.

– Ты зачем вызвал меня? – спросила она на удивление приятным голосом.

Виктор попытался закрыть глаза и избавиться от наваждения, но мерзкие нити паутины держали его за веки.

– Отвечай! – потребовала она. – Ты можешь говорить, если будешь давать краткие ответы, не отвлекаясь на пустые мысли.

– Я не звал тебя – неожиданно для себя легко произнёс Виктор. Он тотчас решил произнести заклинание, но, увы, раздалось только глухое мычание!

– Я предупреждала? – спросила она. Виктор почувствовал, как скользкие нити заполняют носовые пазухи: дышать носом стало омерзительно. Открыть рот, ощущая ползающую по губам паутину, казалось чистым безумием.

– Кто вы? Зачем вы здесь?! – выкрикнул разозлённый Виктор.

– О! Я чувствую, молодой человек намного воспитаннее своих родственников!

Паутина соскользнула с губ Виктора.

– Я могу удовлетворить твоё любопытство. И не только! – нервно хихикнула она. – Я Елизавета! Первая девушка села, брошенная твоим двоюродным прадедом из шестого колена. Агафон Хренов женился на мне и, надругавшись, отверг мою любовь. Он хамски обошёлся со мной, выгнав из брачной постели за то что я не оказалась девственницей! И не стал возражать, если я утоплюсь. Что ж, он получил своё: всем Хреновым не видать личного счастья!

– Это проклятие рода?

– Это заслуга рода! – резко поправила Елизавета.

– Почему вы не явитесь Хреновым?

– Да потому, дорогой мой Виктор, что я уже всё сделала им! Теперь с наслаждением слежу за результатами. Иногда я жалею, что время на Земле идёт слишком быстро! Уже сейчас живёт последний родственник мужчины, из седьмого колена Агафона.

– Но почему я?

– Ты понравился мне. Затем и пришла! Поверь, это было так нелегко...

Голос Елизаветы становился мягче и певучее. Подобно приятной мелодии он равномерно заполнил комнату. Паутина теперь не казалась Виктору столь противной. Она ощущалась лёгким дуновением мягкого бриза на пляже. Виктор потерял ощущение реальности, как загни-

тизированный он пристально смотрел на спину нежданной гостьи. Чувство щемящей тоски и сочувствия к молодой женщине переполняло Виктора.

– Чем я могу помочь вам, Елизавета?

– О! Ты сможешь дать мне немного того, в чём отказал твой несчастный родственник, – проворковала она, плавно продвинувшись вперёд. Теперь она зависла над пахом Виктора. Он видел страстные подёргивания мышц спины Елизаветы, чувствовал волну возбуждения, коснувшуюся её плеч.

– Что будет с Хреновыми? – спросил Виктор из чувства родственного долга.

– Забудь о них! Ведь я не для них проникла сюда, рискуя растерять всю астральную энергию, проходя к тебе через толщу веков.

Голос Елизаветы завораживал. Никто ещё из женщин не говорил с Виктором так нежно, за все его тридцать четыре года жизни.

Фосфоресцирующий свет угас. В комнате стало темно. Виктор попытался дотянуться до спины женщины, потрогать её упругую кожу с золотистым оттенком.

– Не двигайся, дорогой. Я сама всё устрою!

– Я стал хуже видеть тебя, – всхлипнул Виктор.

– О! Теперь тебе не нужно ничего видеть!

Веки Виктора отяжелели и сомкнулись настолько, что в поле зрения осталась узкая полоска женской поясницы с соблазнительной межягодичной складкой.

Елизавета медленно поворачивалась. Перед глазами Виктора проплыло упругое бедро, появился гладкий лобок, красиво очерченный зеленоватой каймой фосфоресцирующих волос.

Елизавета не переставала щебетать. Её голос превратился в возбуждающую мелодию, в которой Виктор вовсе не пытался разобрать слова. Он почувствовал, как снимается одеяло и трещит, разрываясь, его нижнее бельё.

Елизавета спустилась ниже, теперь он видел её пупок. Сокрушительная волна возбуждения охватила Виктора, дав почувствовать в себе дикуую неестественную энергию. Не сообразив, как это получилось, Виктор схватил предмет своей страсти и с силой прижал к груди.

Внезапный, нечеловеческий вопль в момент отрезвил Виктора. Глаза его свободно раскрылись.

В руках трепыхалось безобразное аморфное существо. Виктор дёрнулся от отвращения и столкнулся лбом с отвратительной харей, уставившейся на него пустыми глазницами. Из провалившегося носа с шумом выходил затхлый могильный воздух. Широко раскрытая пасть изрыгала странную какофонию звуков, похожую на скрежет ржавого гвоздя по разбитому стеклу.

К Виктору полностью вернулось чувство реальности. Он вспомнил про большой наперсный крест, освящённый в Семинарии. Это к нему прижал ветхое, разлагающееся тело путаны XVII-го века.

Елизавета вырывалась из его рук. Виктор инстинктивно прижимался к ней грудью. Силы покидали Елизавету. В бешеной конвульсии она ударилась черепом о голову Виктора. Несостоявшийся священник потерял сознание...

Глава 8

В обеденный перерыв Митрич подозвал Миклуху к своему станку. Старик деловито достал из-под верстака обмотанную ветошью бутылку, перепачканный мазутными пальцами шмат солёного сала с куском чёрного хлеба. Митрич сервировал деревянную необструганную скамейку, ножками которой служили два бочка с солидолом. Подмигнув Миклухе, дед вытащил из-за ящика с болванками гранёный, надтреснутый стакан.

– Ну! – Митрич наполнил стакан наполовину. – Твоё здоровье, Миклуха!

Он залпом выпил, занюхал рукавом. Только после этого Митрич отрезал кусок сала толщиной в два пальца, отломил кусок хлеба и с наслаждением зачавкал на весь цех.

– Чего сидишь, как у тёщи на именинах? – спросил Митрич. При этом из его рта вылетело несколько крошек недожёванного хлеба. – Наливай сам. Двадцатый век – лакеев нет!

– Что-то мне не по себе сегодня.

– А мне-то, каково? Сам видишь, еле до обеда выдержал!

Чтобы не обидеть старика, Миклуха плеснул себе четверть. Выпил.

– Какая гадость! Ты у кого брал?

– У «синдикатчиков». Магазин с утра закрыт, – Митрич крутанул бутылку, образовалась воронка. – Эта, хоть и бодяжная, но толк есть!

Старик снова налил полстакана.

– Я больше не буду.

– Ты это, завязывай! Мне что, начальника пригласить или с кладовщицей Валею выпить?

– Митрич назвал главных противников его здорового образа жизни.

– Ладно, Митрич, – сдался Миклуха, – только из уважения к твоей седине.

– Исключительно, – подтвердил Митрич, раскуривая «беломорину».

Когда в бутылке осталось на самом доньшке, Митрич прикрыл её пробкой, заботливо обмотал ветошью и убрал на место. До тяжких времён.

Мозг Миклухи заработал чётко и слаженно. Пары алкоголя притупили тяжесть в голове. Миклуха вспомнил прошлый вечер и его ночное продолжение, когда дети улеглись спать. Миклуха задремал. Он лежал на летнем зелёном лугу, подставив солнцу волосатую грудь. Блаженство прервала невесть откуда появившаяся змея. Гадюка обвила его член. Миклуха вскрикнул и проснулся. В первую очередь он сунул руку в трусы и наткнулся на пальцы Натальи. Жена крепко спала, ритмично сжимая кисть. Миклуха заёрзал, разбудил жену. Да, прошлую ночь Миклуха бессонницей не страдал.

Зато с утра в голове появился отдалённый гул. После принятой с Митричем дозы, гул превратился в слабый шумок.

Миклухе почудилось, что он чувствует резкий запах водки. Он достал бутылку, открыл и потянул носом. Есть!

– Чего там дегустируешь? – заметил Митрич. – Я тоже думаю, неплохо бы добавить.

Радясь возвратившемуся чувству обоняния, Миклуха добавлял до глубокой ночи...

Глава 9

Виктор пришёл в себя, когда солнце стояло в зените. Он чувствовал себя разбитым и измученным. Похоже, ему привиделся ужасный кошмар. Виктор сунул под подушку талисман, чтобы узнать о брате. Вместо этого получил сирену трёхвековой давности. Кажется, она говорила, что Виктор позвал её? Он дёрнул плечами. Никаких желаний соития с суккубой у него не было!

Виктор вынул из-под подушки старый, испробованный в юности, талисман. Покрутив в ладони правильный овал из лопатки чёрного ягнёнка, обтянутый девственным пергаментом. Сколько вещей снов подарила ему эта вещица! А теперь вызвала тёмную силу в образе мерзкого духа похоти.

Виктор без сожаления бросил талисман в печь.

Он сжал нательный крест, пытаясь вспомнить события минувшей ночи. Кажется, эта ... назвалась Елизаветой. Чего же она хотела, кроме секса? Виктор точно помнил, полового акта не было. Слова путаны загробного мира не запомнились. Наверняка, что-то важное, связанное с семьёй Хреновых.

Виктору мешали самые разнообразные мысли. О пивном ларьке на конце деревни, который заколотили три года назад и безжалостно раскурочили малолетние вандалы. О сбитом столбе с проводами, лишившем деревню электричества с того же времени. О престарелой алко-голичке Дуне, работающей в сельпо, где она похмелялась тройным одеколоном.

Виктор перекрестился и сжал покрепче крест. Закрыв глаза, он отчётливо увидел перед собой зеленовато серую рожу. Он встрепенулся, открыл глаза. Память восстановилась.

Елизавета говорила о Хреновых. Двоюродный прадед не взял замуж эту суку по строгим правилам того времени. Тогда Елизавета прокляла его род и бросилась в реку.

Виктору было известно, что проклятие самоубийцы сильно в своей жестокости и распространяется до седьмого колена. Отсутствие посмертной записки «в моей смерти прошу винить» несёт в себе не пустую угрозу. Самоубийца уходит в ад и тянет за собой проклятого им человека.

Виктор сидел какое-то время в оцепенении, глядя на стол. Что-то показалась ему непонятным. Книги лежали на том же месте, стакан стоял в середине. Только все предметы покрыты толстым слоем пыли. Виктор отёрнул руку. Он посмотрел на пол, от кровати к столу вели его следы. Вся изба оказалась под многовековым слоем пыли. Только постель осталась нетронутой. Виктор взял тряпку, принялся обтирать обложки книг, складывая в аккуратную стопку. Задумавшись, он не заметил, как взял в руки Библию. Пыли на ней не оказалось.

Виктор положил Библию на стол, обхватил голову руками. Сколь бы не играл муравей со слонем, кусая его и заставляя идти в нужную сторону, рано или поздно слон прихлопнет его!

Виктор похватал все свои «талмуды» по магии и эзотерике, запихал их в печь. Зажигая спички, он сломал несколько штук. Наконец появился огонь.

Гори оно всё синим пламенем! Виктор раскрыл настежь двери. Поток морозного воздуха освежил избушку.

Виктор боялся следующей ночи. Где гарантия, что не появятся потусторонние пришельцы? К тому же, Хреновы в большой опасности. Надо что-то делать, нельзя сидеть сложа руки! Но с чего начать? Миклуха только рассмеётся в лицо и вспомнит одного знакомого, которого бесы посещали не один раз. И что, после очередной дозы, страхи его рассеивались.

Да, доказать что-либо Миклухе бесполезно. Ведь Виктор сам до сих пор не понимал, что играть с бесами опасно!

Виктор закрыл двери, достал из комода бутылку. Он допил остатки водки, встряхнул головой и направился на работу. В его голове созрел примерный план действий...

Глава 10

Миклуха сидел в кровати, очнувшись после трёхдневного запоя. Смутно помнились события минувших дней: Митрич, рабочий цех, запахи. Миклуха посмотрел на часы: без двадцати семь, скоро проснётся Наталья. Напахнуло тухлятиной и гнилью. Миклуха огорчился. Да-а, нельзя столько пить. Связался же со стариком!

Лоб Миклухи покрыла испарина. Он вышел в коридор, еле передвигая ноги. В умывальнике сполоснул лицо холодной водой. Вернувшись в комнату, Миклуха поставил кофе. В голове тяжёлая тупость, ко лбу снова подкатил прилив жара. Из-под кровати здорово несло падалью.

Миклуха вспомнил школьного товарища, одноклассника Кирьякова с хроническим стоматитом. Разговаривать с ним на расстоянии ближе двух метров было невыносимо. Запах изо рта Кирьякова отпугивал даже крыс. Одноклассник, похоже, этого не чувствовал. Он любил выговориться, постоянно искал свободные уши и подолгу рассказывал свои бесконечные истории, обладавая зловонием несчастного слушателя. Когда Миклуха встречал Кирьякова на улице, первым делом угощал парня сигаретой. Это помогало продержаться несколько минут, чтобы потом исчезнуть по каким-нибудь неотложным делам.

Снимая закипающий кофе, Миклуха ощутил новый прилив запаха. Откуда-то со стороны жены.

Наталья заворочалась, приподнялась на локтях в кровати.

– Проснулся сам? На работу пойдёшь сам? Или опять за тобой посыльные прибегут?

– Какие посыльные? – Миклуха обжёгся кофе.

– Два дня подряд бежали! Позавчера Митрич, вчера Сам приходил.
– А ты меня не будила с утра?
– Будила! Да только ты, похоже, снова валился спать, как я за порог.
– Да, дела, – Миклуха натянул улыбку. – Какой сегодня день недели?
– Пятница уже. Я предупредила старика, чтобы он здесь больше не появлялся!
– А что он?
– Он сказал, что не заливал в тебя водку через воронку! Значит, ты в него заливал?
– Не в этом дело. А где дети? Пора бы им подняться!
– Пора бы отцу знать, что в школе отменили занятия на две недели!
– И что, теперь они в школе ночуют?
– Ночуют они у друзей! Чем дома дышать вонью перегарной! – высказалась Наталья, хлопнув за собой дверь.

Миклуха пробурчал что-то по поводу воню, взял щётку с зубной пастой и пошёл в умывальник. Вытирая лицо, Миклуха глянул в зеркало.

На него испуганно смотрел обросший тип с отёкшим лицом. Мешки под глазами суживали глазные щели на две трети. Миклуха достал электробритву, побрился. Потом он допил остывший кофе и, распечатывая на ходу жевательную резинку, вышел из комнаты. В коридоре он закурил, потянул носом. Усмехнулся: «Так можно и легавой стать или лайкой, какой!» – почувствовал запах шампуня, доносившейся из душа.

Миклуха вернулся в комнату, обошёл каждый угол, присел под кровать. Утренней воню не было. Значит, несло от Натальи или от него самого. Успокоившись, Миклуха направился в цех.

Глава 11

Под мерный стук колёс Виктор задремал. Кто-то затормошил его за плечо, Виктор открыл глаза и увидел лицо разгневанной проводницы.

- Постель будешь брат?
- В чём дело, – не понял спросонья Виктор.
- Постель, спрашиваю, брат собираешься?
- А что случилось-то?
- Без постели на матрасе спать не положено! Собирай матрас или бери постель!

Виктор посмотрел, куда указала проводница. Полку напротив занимал древний старик. Он свернул матрас у окна, набросил на него ветхий платок и, облокотясь, сладко посапывал.

Для приличия Виктор порылся в карманах. Скучных отпускных, выбитых с таким трудом, едва хватало на билет туда и обратно. Не споря с проводницей, Виктор собрал матрас. Кряхтя, поднялся на подножку, чтобы запахнуть матрас на верхнюю полку.

- Зёма, на работу едем? – услышал он голос с боковой верхней полки.
- Да. В некотором роде, – пробормотал Виктор. Разговаривать с незнакомцем не хотелось.
- Слушай, возьми мою простынь, да брось её поверх матраса и подушки! Получится постель. Я всё равно не укрываюсь.

Виктор посмотрел на нежданного благодетеля. Мужчина, лет двадцати семи, с круглым открытым лицом и добродушной улыбкой. Редкие русые волосы удачно сочетались со вставленными верхними зубами.

– Бери, бери! Мы здесь все земляки. Все до конца едем! Полтора суток на жёстком несладко. Ты же платил за плацкарт!

Виктор поблагодарил парня, взял простыню, соорудил постель. Через полминуты он крепко спал, не обращая внимания на пьяные разговоры в соседнем купе.

Снов не видел, встал около семи утра и пошёл умываться.

Вагон ещё спал. В соседнем купе вповалку лежали мужчины и женщины. Стол был завален шкурками от колбасы, раскрытыми консервными банками и огрызками чёрного хлеба. По полу в такт движению поезда, каталась большая бутылка из-под водки. Виктор заметил, что только треть пассажиров спит на белье проводницы. Остальные расстелили собственные, цветастые простыни. В туалете капало с потолка в нескольких местах одновременно. Виктор быстро умылся и, скользя по обледеленному полу, вышел.

Вернувшись в купе, Виктор задумался. Дело, задуманное им накануне, может оказаться ему не по зубам. Не возвращаться же несолоно хлебавши! Он решил так: если не удастся уничтожить корень зла, то хоть пообрубать все ветви.

Невесёлые размышления прервал жизнерадостный сосед с боковушки, предложив выпить пива. Виктор отказался, но дал соседу алюминиевую дорожную кружку.

– Меня Иваном зовут, на работе – Иван Николаевич Петров, – сказал попутчик. – Ездил в Центр кое-какие бумаги оформить. Теперь вот, возвращаюсь.

– Со щитом или на щите?

– Со щитом и с пивом! Ты, небось, устраиваться едешь? Я гляжу, что-то раньше не встречались.

– Еду оглядеться, как и что. Стоит ли устраиваться, – осторожничал Виктор.

– Тебя-то, как зовут?

– Виктор.

– Виктор ... ?

– Просто Виктор. На работе и дома.

– Слушай, Витёк, хлебни пивка! А то скис совсем, как я погляжу, – Петров протянул собеседнику полную кружку.

Виктор отхлебнул. Пиво, конечно, пастеризованное. Но пить можно.

– Так вот, у меня там вагончик пустует, – продолжал Петров. – Там одна училка молодая живёт. Следит, чтобы хозяйство не разморозилось. Так мы её, того... Поживёшь пока не обустроишься, идёт такой вариант?

– Нет-нет! – замотал головой Виктор. – Никого из-за меня выгонять не надо!

– Да ты чудак, Витёк! Я же объясняю, её место в общежитии, живёт у меня как на квартире. Сам напросилась на две-три недели. А живёт уже полгода! Я же не буду с неё деньги брать! Не захочет уходить, пожалуйста, живите вдвоём. Так что, я тебя законно пристрою. Если надо, пропишу!

Виктор удивился столь необычной доброте Петрова. Но вариант, в самом деле, был хорошим. Жить в вагончике – не под одной крышей с Хреновыми. К тому же, больше недели делать ему на Севере нечего. А на училку можно не обращать внимания. Весь день она на работе. В крайнем случае, уговорить её пожить недельку в общежитии.

– Вот что, если разминёмся где, вот адрес: Лесная 3, запоминай! Отечественным инженерам визитки пока не положены!

Виктор кивнул. Адрес временного пристанища под очередную кружку пива оказал на измотанную психику благотворное влияние. Виктор решил ни о чём не думать. Просто ехать и пить пиво.

Петров Иван Николаевич оказался мужиком что надо. Виктор утверждался в этом по мере каждой выпитой кружки.

Петров раскинул перед экс-семинаристом гамму радужных перспектив. Судя по его словам, Виктора ожидала зарплата в пять раз большая его скудного дохода, благоустроенное жильё и ежемесячная оплата проезда в родную деревню и обратно. График удобный: месяц работа – месяц отдых. Вахта, называется.

Виктор кивал и почти соглашался. Почему, нет?

К часу дня поезд прибыл на станцию со странным названием «Синюха». Оба свежеепечённых друга решили выйти, поразмяться, если получится – купить пива.

– Стоянка поезда семьдесят минут. Но сильно не увлекайтесь, час – не резиновый! – напутствовала их проводница.

Друзья подошли к вокзалу. Это было ветхое двухэтажное строение из тёмно-жёлтого кирпича. Стены его потрескались в виде причудливой паутины, но ни одна из трещин не проходила через всю стену. Наверное, поэтому здание простояло со времён первого кирпичного завода на Руси.

Внутри вокзала стояли камеры хранения, зияя пустыми карманами с остатками дверных шарниров. Ячейки монетосборников, словно в насмешку ухмылялись ностальгическими надписями 15 коп. У стены находились железнодорожные кассы. Их было столько, будто бы в Синюхе находился крупнейший железнодорожный узел. На самом деле, здесь нельзя было встретить поездов другого направления. Туда и обратно – по единственной ветке.

Друзья–попутчики прошли в правое крыло вокзала. Их привлекла помятая жестяная вывеска с шершавыми буквами «Буфет». На грязном кафельном полу стояла витрина без стекла. Внутри витрины, в тарелках из фольги лежали серые бесформенные куски с сине-зелёным оттенком. На помятом тетрадном листочке в клеточку указывалось, что это куриные окорочка.

У кассы стояла женщина лет сорока – сорока пяти с красным бугристым носом и похотливыми глазёнками. Сквозь её помятый в пятнах халат просматривалась засаленная телогрейка.

– Чё брать будем, братья–алкаши? – она улыбнулась, показав щели между зубами. Заметив недружелюбную реакцию покупателей, поправилась. – Да вы не дуйтесь! У нас тут все алкаши. Разве что, Иван Иванович трезвенник!

Она кивнула на алкаша, притулившегося на лавочке у противоположной стены. Иван Иванович, услышав своё имя, трепыхнулся, хлопнул два раза седыми ресницами. Никто не подошёл, Иван Иванович уткнулся подбородком в истерзанную фуфайку.

Петров толкнул его в плечо.

– Куда, папаша, едем?

– Да не трожь ты его! Наш Иван Иванович уже приехал, как в картине Репина, помнишь?

– Смотри, он не шевелится!

– Да брось ты его! Уже три года здесь живёт и ещё столько же протянет за милую душу!

Вы брать чего будете, или на экскурсию пришли?

– Да у вас брать-то нечего! – в тон ей сказал Виктор.

– Как это нечего? Да ты глянь! – она повела могучими плечами на полку позади себя.

Виктор посмотрел. Баночное пиво, литровая бутылка с непонятной этикеткой, набор шоколадок с рекламных роликов. Виктор подсчитал, одна баночка пива 0,33. По современным ценам, если взять два литра – денег на обратную дорогу не останется. И всё же, неудобно перед Петровым. Надо угостить человека.

Пока Виктор колебался, Петров растолкал-таки алкаша.

– Иван Иванович! Тут не твой пузырь стоит?

Постоялец синюхинского буфета очнулся. Инженер что-то прошептал ему в ухо. После чего Иван Иванович закивал головой.

– Пошли быстрее, Витёк! – бросил Петров на ходу, удаляясь вслед за бичом. Виктор нагнал их у выхода в город.

– Сейчас возьмём пива по дешёвке!

Полубегом тройца дошла до бревенчатого барака. Через несколько минут они вышли, держа по три бутылки пива в каждой руке. Побежали в сторону перрона.

Железнодорожные пути были подозрительно пусты. Поезда не было!

Диспетчер вокзала объяснила, что в виду отсутствия почты, поезд ушёл на полчаса раньше.

До следующего оставалось двадцать три часа...

Глава 12

Миклуха кое-как проходил полдня на работе, а после обеда отпросился у начальника. Тот понимающе покачал головой и отпустил. С кем не бывает? Чем лучше вечер, тем тяжелее утро!

Вернувшись в комнату, Миклуха чуть не задохнулся от плотной вони. Форточка была раскрыта настежь, но это не помогало. Миклуха ушёл в туалет. Наклонившись над унитазом, он в несколько приёмов опорожнил желудок. Немного полегчало. Он дёрнул алюминиевую проволоку сливного бачка, оторвал половину, бросил в ведро. Возле умывальника Миклуха долго полоскал рот. Хлопнула дверь, молотком отдаваясь в голове. Миклуха вздрогнул. Кто-то похлопал его по плечу.

– Пузырь с тебя, Николай! – улыбался капитан милиции Тягунов.

– Когда?

– Вот чудак–человек! Другие спрашивают, за что? Какой пузырь? А ты сразу, когда!

– Да я подумал...

– А позавчера ты, о чём думал?

– А что случилось?

– Да, мелочи, – махнул рукой капитан, – ничего опасного. Я тебя знаю, ты меня знаешь. Ну, побуксовал малость. Я за тебя поручился.

– Ты какую пьёшь? – спросил Миклуха, уводя капитана от неприятной темы.

– Я на службе. Налей кофейку, да побегу. Шутка это, насчёт пузыря.

Миклуха пригласил капитана в комнату, подал чашку растворимого кофе.

– Советую тебе, Николай, не пить вовсе, а то горячку схлопочешь. Позавчера ночью ты разбудил половину дома, ломился как угорелый во все комнаты подряд! – сообщил капитан, отхлёбывая горячий кофе. – Табелыщица ваша вызвала ОМОН! Хорошо, я мимо шёл, а то собирали бы тебя сейчас по косточкам.

– А зачем я ломился? – не понимал Миклуха. Ничего похожего ему не вспоминалось. От упоминания слова ОМОН ему стало жарко. Это был ни какой ни особый отряд милиции, а несколько бугаёв мордovorотов из личной охраны мэра. Их вызывали для поддержания порядка. За бесцеремонность прозвали команду ОМОНом.

– Зачем? Это тебя спросить надо! Небось, не первый день уже пил.

– Погоди, Тягунов, что я искал-то?

– Я не знаю! – капитан развёл руками. – Когда я тебя вёл домой, ты мне объяснял, что весь мир – твои друзья! Что-то говорил ещё, я не слушал.

Миклуха нахмурил брови. Память услужливо подала ему картины вполне приличного поведения. Они сидели с Митричем в цехе, выпивали, говорили об отечественной медицине, сходили за водкой... Ночевали в цехе, отпустив сторожа. Затем был рабочий день, ремонт станка Митрича, снова магарыч... поле, снежное поле... очень много снега... жена Митрича в фуфайке с отрезанными рукавами, толстощёкий самовар со смешным отражением стаканов... Опять рабочий день, какие-то коридоры, двери... снег. Пьянющий старик с непокрытой головой. На растрёпанной седой шевелюре лежал снег. Миклуха дал старику сигарету. Где-то долго искали спички. Нашли?

– Может, я спички искал?

– Ты меня уже достал своим допросом! – Тягунов встал. – Мне пора! Насчёт пузыря не беспокойся, шутка!

Закрыв за капитаном дверь, Миклуха начал поиски источника вони. Он приседал под стол, вставал на колени, упираясь локтями в пол, заглядывал под кровать, отворачивал половики, но ни в одном месте не чувствовал разницы. Вонь не ослабевала и не усиливалась.

Миклуха взял ведро с отходами, вынес мусор в контейнер. Вроде, стало легче дышать. Он лёг на кровать, уткнулся лицом в подушку и задремал.

Глава 13

Ваня лежал на ковре из сложенных матов посередине зала. После максимальной нагрузки он ощущал блаженство, известное каждому спортсмену. Когда заканчивается выделение пота, организм легко и свободно сообщается с воздухом. Тело дышит, энергия плавно исходит из него. Ещё чуть-чуть и поднимется, воспарит в воздухе и мягко опустится вниз. Настроение Вани было приподнятым, занятия в школе отменили, на репетицию идти не нужно. Егоза где-то подхватила грипп или ещё что в этом роде. Маша развлекалась с Викой, мать разрешила детям ещё одну ночь погостить у знакомых. Всё шло как нельзя лучше!

Ваня вспомнил о последней встрече с Еленой Андреевной. Егоза попросила никому не говорить, что она живёт в бочке. Интересно, почему ей не живётся в общежитии для учителей? Хотя, это её личное дело.

В зале никого не было. Знакомые пацаны жили в частном секторе. В это время они выполняли домашнюю работу: кололи дрова, топили печь, расчищали от снега двор и занимались прочими деревенскими делами. Под мерный рокот вентилятора, гонявшего по спортзалу тёплый воздух, Ваня задремал.

Ему привиделся дом дяди Виктора. Дядя казался Ване человеком понимающим – с ним можно всегда поговорить по душам обо всех проблемах.

Сейчас в доме дяди Виктора провалился пол, стены покрылись заиндевевшим мхом.

Ваня окликнул дядю. Он стоял, глядя в окно. Не оглянулся и не ответил. Внезапно раздался грохот. Ваня обернулся. Это развалилась печь. Сквозь обломки кирпичей просачивалось зеленоватое пламя. На столе вспыхнула Библия. Ваня, не раздумывая, схватил книгу и прижал к груди. Обожгло руки, в глазах потемнело. Он присел, теряя сознание. Среди множества светлых мушек перед глазами появился отец. Он стоял, держа в руках топор со стекающей с острия тёмной кровью, перепачкавшей топорнице. Отец улыбнулся и сказал чужим голосом:

– Вот, теперь сынок, у нас всё будет хорошо. Только Маня ... – на этом речь отца прервалась, он провалился сквозь пол глубоко под землю.

– Помни, Ваня, о Вознесенском соборе! Мы не должны сдаваться! – прозвучал позади голос Виктора.

Оглянувшись, Ваня не увидел дяди. Кто-то в этот момент подбежал сзади и сбил с ног.

Раздался адский хохот, долгим эхом отдаваясь в голове перепуганного подростка.

Глава 14

Катерина проснулась в полной апатии. Даже сны её были черно-белыми. Рутинными, как сама жизнь. Часы показывали половину шестого: пора на работу. И какой идиот выдумал ходить на службу в такую рань? Ну кому нужны билеты спозаранку в этой глуши? Катерина наскоро умылась и отправилась на станцию.

По дороге ей встретилась краснощёкая баба с полными вёдрами воды. Настроение Катерины приподнялось. К тому же, свет в окне начальника не горел – стопроцентная добрая примета!

Катерина заскочила на рабочее место, достала косметичку, разложила перед собой нужные предметы туалета.

– Девушка, вы не могли бы помочь. Дело в том, что... – неожиданно раздался мужской голос за занавеской.

Катерина выронила из рук помаду.

– Потом со всеми вопросами! – сказала она в самом вежливом тоне, какой только возможен в Синюхе. – Технологический перерыв – пятнадцать минут!

Грубить ей не хотелось, зачем портить день, начавшийся с хороших примет?

Приводя себя в порядок, Катерина думала. Кому она могла понадобиться в столь ранний час? Голос явно незнакомый. Может, сбежавший зэк? Катерина улыбнулась глупой мысли. Какой зэк обратится в кассу? Тогда, это может быть грабитель. Она поёжилась. Снова улыбнулась. Какой дурак с утра полезет брать кассу, если нет никакой выручки? Оставалось одно. Или это наркоман, или алкаш. Тогда ничего страшного – с такой публикой Катерина всегда разберётся! Она успокоилась, продолжив подготовку к рабочему дню.

Петров поднял руку, чтобы постучать в стекло кассы, но Виктор удержал его. Товарищи по несчастью вышли во двор, закурили.

– Россия, – выдохнул Петров.

– Россия, – подтвердил Виктор. – А нам куда спешить? До паровоза, слава Богу, ещё часов десять, не меньше. Если он вообще появится.

– Брось шутить, Витёк! Мне на работу надо попасть на этой неделе! Табель, понимаешь? Виктор кивнул, хотя ничего не понял.

– Могут быть трудности с билетами?

– Да какие тут трудности!

– Тогда зачем ломиться в открытую дверь?

– Да мне позвонить надо срочно. Ладно, через полчаса не будет поздно.

– На работу?

– Что, на работу? – не понял Петров, поглощённый собственными мыслями.

– На работу, спрашиваю, позвонить-то?

– Ну да, на работу, – подтвердил Петров, отведя глаза. Ему не хотелось говорить о звонке неизвестно куда и кому. Что это за номер такой, двенадцатизначный? Но мать – святое дело. Надо, значит надо. Хотя и глупо.

Мать Петрова умерла больше года назад. Родственники приехали, похоронили её рядом с отцом, да и разъехались кто куда. Только вчера вечером в конуре Иваныча, где ночевали незадачливые охотники за пивом, Петров вспомнил о матери. Помянули пивом. Крепче решили нечего не брать. Мало ли что может случиться в незнакомом месте, у чужого человека? Упали спать на пол, постелив разное тряпье.

Петров проснулся посреди ночи от странного грохота. Он посмотрел в окно. Гроза в середине зимы! Столбом идущий снег гасил вспышки молнии, но гром слышался отчётливо. Усталый инженер не стал любоваться необычным явлением природы. Он снова лёг. Заснуть не удавалось. Так, в полудрёме, Петров пролежал около часу. Только-только начал засыпать, как почувствовал, что его кто-то трогает за голову. Так прикасалась только мать в далёком детстве. Петрова прошиб холодный пот. Страх лишил его возможности трезво мыслить, хотя никакого хмеля в голове не было. Разве это доза: три-четыре литра пива – для русского человека?

Петров заставил себя повернуть голову.

– Ванюша!

Точно, мать. Она стояла и смотрела прямо в глаза Петрову.

Как живая! Петров неумело перекрестился.

– Ты не бойся, Ванюша! Это я, мама твоя!

– Я не боюсь! – храбрился Петров. – И раньше никогда покойников не боялся!

– Всё же ты вспомнил обо мне, – сказала мама печальным голосом.

– Да, я, мама, – начал оправдываться Петров.

– Ладно. Вспомнил, и хорошо. А с чего ты взял, что я покойница?

– Ну, как? Ты же умерла!

– Я теперь, сынок, живу в другой жизни, недоступной для ныне здравствующих.

– А как ты оказалась здесь?

– Очень редко нам позволяют видеть своих детей: только когда они попадают в опасные истории.

– Да ладно, мама, не волнуйся. Подумаешь, отстал от поезда! Вещи мои отдадут приятелям в общагу. Документы при мне, денег на билеты хватит. А что тут ночью, так чего страшного? Кого бояться-то? Витька или Иваныча? При случае, я их обоих в бараний рог скручу!

– Не о том думаешь, сынок. Ты ещё не попал в историю, но окажешься в ней непременно. И мне бы не хотелось, чтобы ты сыграл неблагоприятную роль.

– Ты про училку что ли? Да никто не будет её выгонять и домогаться тоже, больно надо!

– Ванюша, сынок, ты даже не представляешь, какая опасность тебе угрожает. Дело не в людях, тебя окружающих, хотя они будут играть первые роли. Дело в том, что невольно ты оказался на переднем крае борьбы со злом, вселенским злом!

– Ты о ядерной войне что ли?

– Вроде того, но только ядра могут разрываться изнутри!

– Как это, изнутри?

– Ты учил физику и всё поймёшь. Мне не позволено говорить тебе всего. Но предостеречь я могу.

– В чём дело, мама? Объяснишь ты, наконец? – Петров разозлился. Мать казалась ему живой и никогда не умиравшей.

– Посмотри внимательно на этого человека! – мать указала на храпящего Виктора.

– Ну и что? Спит человек, отдыхает. Что в этом такого?

– А теперь на Ивана Иваныча посмотри! Замечаешь разницу?

Петров присмотрелся. Напряг глаза, но различий не заметил. Два тёмных силуэта, и что? Как ответом на его немой вопрос, полыхнула молния, осветив комнатёнку. Теперь Петров заметил разницу. Иваныч валялся тёмным кулем, а Виктор выглядел не таким. Кончики пальцев его фосфоресцировали сине-зелёным. На груди Виктора сквозь одежду просвечивал ярко жёлтый солнечный крест с изображением Христа Спасителя. Петров подивился размерам креста.

– Иван Иваныч пропащий человек, за сто грамм водки – отдал душу дьяволу. Виктор совсем другой человек. Он мог стать священником, но запутался. Виктор знаком со злом, поэтому кончики пальцев его помечены. Сейчас он решил взвалить на себя непосильный груз – борьбу со злом.

– А мне что до этого? – недоумевал Петров.

– Сынок, ты поступил по-христиански, решив помочь ему. Тем самым ваши пути ваши пути пересеклись. И никуда от этого не деться.

– Хватит говорить загадками! – опять не сдержался Петров. – Скажи прямо, в чём дело? Что от меня требуется?

– В последнее время, – начала говорить мать. Отрешённо, как бы обращаясь к своим ученикам. Петров никогда не смел перебивать её при таком тоне, – идёт разрушение единого энергетического поля земли. Раньше колдуны, не смели разрушать границу поля злой энергии. После каждого своих действий они восстанавливали оболочку защиты. Для этого выполняли определённые ритуалы, тратя собственную энергию. Такие колдуны есть и сейчас. Их количество никогда не меняется. Но в последнее время появилось много дилетантов, «черно-белых магов», которые берут энергию на злые дела, но не трудятся восстанавливать её. Поэтому образуются дыры, наподобие озоновых, сквозь которые на Землю проникают существа прямо из ада.

– И Виктор общался с этими существами? – уловил самую суть Петров.

– Именно так. Хотя он не хотел этого. Теперь его задача: спасти родственников. Тем самым Виктор попытается закрыть проход на Землю.

– Так уже есть этот проход?

– Пока нет, но идёт активное открытие, даже прорубание этого прохода.

– Я многое понял, мама. Но чем я могу помочь? И кому?

– Тебе нужно позвонить по такому телефону, – мать назвала номер.

Петров наморщил лоб, стараясь запомнить цифры.

– Ты не забудешь номер. Когда позвонишь, скажешь: «инферно в опасности!», – и назовёшь адрес своего посёлка. Это и будет твоей помощью.

– А что это, инферно?

– Это и есть энергетическая оболочка Земли. Она создаётся и поддерживается за счёт богослужений в храмах и монастырях. Использование энергии не в благих целях разрушает оболочку Земли.

– Хорошо. Я позвоню! – заверил Петров. – А смогу ли я, как Виктор, помочь конкретным людям?

– Можешь и сможешь, Ванюша, – голос матери заметно ослабевал.

– Кому?

– Там твой тёзка, мальчик Ваня... – мать постепенно исчезала из поля зрения. Уже не видно тела, рук, расплывалось лицо.

– Мама! – чуть ли не во всё горло закричал Петров. – Где ты сейчас? В Раю?

– После узнаешь, сынок...

– Как тебе там приходится? – спросил Петров пустоту.

Гроза утихла...

Петров очнулся и растолкал Виктора. Они поторопились к вокзалу. Виктор не задавал никаких вопросов. А теперь стал интересоваться. Что да как? На душе Петрова и так скверно. Надо же! Вспомнил только через год, что у него была мама! И не поинтересовался у неё в первую очередь: как она там, что с ней? Всё свой интерес выпытывал.

В самом деле, что же это было? Сон или видение?

– Витёк, не заметил, что ночью гроза была?

– Гроза? Ах, да. Наверное, это была гроза.

– Что ты слышал? – насторожился Петров.

– Что-то гремело вдали. Я хотел, но никак не мог проснуться.

Петров кивнул. Вот и славно, незачем тебе было просыпаться. С другой стороны, Виктор как человек знающий лучше помог бы матери. А что с меня? Я даже в Бога верю скорее из необходимости, чем как надо бы.

Виктор молчал. Он думал, как уговорить кассиршу на междугородный звонок.

Прошло уже не пятнадцать и не двадцать минут. Друзья знали, что означает «технологический перерыв». Каждый работник, от которого более-менее зависят люди, всегда начинает работу не ранее чем через четверть часа. Нужно дать понять всем, кто хозяин их судьбы. Хотя бы на эту минуту. А если объявлен официальный перерыв, жди полчаса – не меньше.

– Пойдём! – позвал Виктор, отвлекая Петрова от невесёлых мыслей.

Катерина уже приобрела форму, раскрыла перед собой женский роман, то есть приготовилась к рабочему дню. Но обращение «девушка» никак не выходило из её головы. Пожалуй, с девятнадцати лет никто так не обращался к Катерине. С тех пор минул десяток лет. Сколько же было честолобивых планов и замыслов? Теперь же: ни мужа, ни детей. Два диплома о высшем образовании да унылая работа. Хотя, лучше уж такая, чем никакой.

Голос этого алкоголика (или наркомана?) не давал сосредоточиться на латиноамериканских страстях. Катерина отодвинула шторку в зал.

В окошко вежливо постучали. Чувство собственного достоинства сделала лицо Катерины профессионально непроницаемым.

– Что вы хотели? – спросила она.

В окошечке вырисовалось добродушное лицо мужчины лет 23–25. Чуть поодаль стоял человек постарше со слегка заплывшими веками. Если второй с большой натяжкой тянул

на алкоголика, то наркоманами оба никак не были. Неужели, действительно, нуждаются в её помощи?

– Девушка, не могли бы вы помочь мне в одном деле?

– Смотря в каком, – удивляясь самой себе, как-то не по-служебному, кокетливо ответила Катерина.

– Видите ли, у меня такое дело, – непонятно почему замялся Петров. Лицо его стало пунцовым. Большие серые глаза кассирши сбили его с панталыку.

– Парню нужно срочно позвонить, – подоспел друг на помощь. – Мы вчера отстали от поезда.

– Жену предупредить не успел? – Катерина разочаровалась. – А я вам, что, почта-телеграф?

– Вовсе не в этом дело, – промямлил Петров, злясь на самого себя. Ни одна женщина ещё не вгоняла его в краску!

– Понимаете, мы едем на работу. И оба холостые, – добавил на всякий случай Виктор. – Сегодня мы должны быть на месте. Наши сменщики уже уехали домой. Цех остался пустым. А там собака. Понимаете, умная такая собака. Покормить её некому. А главное, выгулять! Знаете, девушка, она может умереть от разрыва мочевого пузыря!

– Да, дела у вас не очень хороши, – смягчилась Катерина. – Но я ведь не телеграф.

Петров настолько проникся к только что выдуманной брошенной собаке, что взгляд его стал печальным. Катерина помолчала в нерешительности.

– Звонок не займёт много времени. Мне нужно сказать, что собака без присмотра. И всё! А в этой Синюхе такая связь только у вас.

– Но это служебная связь, а не интернет какой, – сказала Катерина. Ведь врут! Скорее всего, жене звонить будет.

– Я скажу только три слова и заплачу, сколько потребуется!

– Дайте ваши документы, пожалуйста.

– Конечно-конечно, пожалуйста! – мужчины протянули паспорта.

Катерина полистала документы. Оба неженаты, не врут! Она почти поверила в историю с брошенной собакой.

– Ладно, пройдите ко мне через синюю дверь. Я сейчас открою. Но смотрите, только три слова!

Пройдя к аппарату, Петров под наблюдением кассирши, быстро набрал номер. К его счастью, соединили сразу. На том конце трубки раздался вздох. Кто-то взял! Как же всё дико и нереально!

– Инферно в опасности! – одним духом выпалил Петров.

Связь прервалась. Он не успел назвать адрес. С огорчением Петров положил трубку.

– Это кличка такая оригинальная? – поинтересовалась Катерина.

– Да, – ответил Петров потухшим голосом. Он выполнил просьбу матери только на половину!

– Что вы так убиваетесь? Уже услышали, поймут! – Катерина чувствовала, что Петров сказал не всё. Она слышала, как прервалась связь.

– Позвоните ещё раз! Я же пошутила насчёт трёх слов! – Катерина нажала на кнопку повтора звонка.

В ответ раздался сплошной гудок, как будто ничего не набиралось.

– Чертовщина какая-то! – воскликнула Катерина, трижды нажав на кнопку повтора.

Она целиком права: «Чертовщина, не иначе!» – одновременно подумали мужчины.

– Извините, девушка, за проблемы со служебной связью! – сказал Петров вслух.

– Что вы заладили, девушка да девушка, у меня имя есть!

– Виноват, Екатерина Павловна!

- Вообще, меня Катериной зовут. А табличка, так, чтобы по форме было. И Ф, и И, и О.
- А меня зовут Петров, хотя тоже имею ФИО. Но почему-то все пользуются только Ф!

А имя моё, Иван.

- А это ваш друг, Виктор! Я по паспорту прочла!

Катерина выдала друзьям билеты с 50% скидкой, оформив «задержку по вине железнодорожного транспорта». Петров рассыпался в благодарностях, но грустные глаза выдавали его. Катерина вновь повторила звонок. Результат прежний – нулевой. Тогда Катерина запросила через компьютер код последнего телефонного звонка.

Ярко вспыхнул экран. Вся троица уставилась на дисплей.

Петров увидел изображение ядерного взрыва на болоте возле его посёлка. Яркая вспышка на миг ослепила его.

Катерина увидела чёрные буквы на синем фоне:

Попробуй только ещё раз, дурочка — сотрётся вся память с компьютера и тебя выбросят с работы на улицу, к наркоманам и пьяницам!

У Катерины волосы стали дыбом. Неужели это возможно? Кто-то читает её мысли и управляет компьютером?!

Виктор мелко затрясся и едва не упал навзничь. Петров вовремя подхватил друга. Катерина подала ему воды.

Виктор часто моргал, стараясь прогнать изображение на экране молодой девушки с перекошенным от злобы лицом. Она ничего не говорила, но с лютой ненавистью смотрела ему в душу. Виктор сразу узнал Лизавету, хотя никогда не видел её в натуральном облики.

- Не волнуйтесь, со мной такое бывает. Очень редко, – извинился Виктор.

– У нас на станции, похоже, барабашка завёлся, – то ли спросила, то ли сообщила Катерина.

Мужчины промолчали. Каждый из троих видел собственную картинку.

Петров думал об inferно, Виктор – о мощи Елизаветино проклятия.

Катерине реакция транзитных пассажиров показалась странной. Мало ли балбесов–хаке-ров развелось! Она не успел толком напугаться. Другое дело, если была одна.

- А чем вы намерены заняться до отхода поезда?

Простой вопрос вернул обоих мужчин к реальности. Действительно, чем? Не пить же пиво, когда вокруг такое происходит!

- У вас, Катерина, есть в деревне храм?

– Как?

– Ну, церквушка какая-нибудь?

– А вам зачем?

– Понимаете, где бы я ни был, обязательно посещаю храм, – сказал Виктор.

– Есть что-то наподобие. Если пойдёте по улице прямо от вокзала до конца, попадёте, куда вам нужно.

- А вы, тоже в храм?

– Даже и не знаю, – замялся Петров.

– У меня обеденный перерыв с двенадцати до половины третьего. Так что, можете подойти к этому времени, хоть пообедаете по-человечески!

Обед — дело хорошее. Да и идти Петрову никуда не хотелось. Хоть Синюха ещё не Север, но при минус тридцати не манит ни в какие походы. Виктор, вроде как священник, сам сходит и разберётся, что к чему.

- Я, пожалуй, останусь здесь, на вокзале, – сказал Петров к радости Катерины.

Так и решили. Виктор вернётся на вокзал как раз к обеду, а Петров посидит с Катериной. Поболтает о том, о сём.

До отправления поезда оставалось восемь с половиной часов...

Глава 15

Громкий голос эхом раздался по комнате, разбудив Миклуху.

– Чего ты валяешься, урод? На что ты посвятил свою жизнь?

Миклуха разглядел в полумраке, что в комнате никого нет. Кто же говорит?

– Ты бы поменьше занимался философией, а думал о завтрашнем дне!

– Да кто это?

– Можешь не орать, мне и мысли твои слышны!

– Если слышны, убирайся подобра-поздорову! Ещё учить меня будешь!

– А кто ещё учить тебя будет, балбеса? Посмотри, чем ты занимался всю свою жизнь!

Кому какое дело, чем он занимался! В конце концов, всё не так уж плохо. Жена, двое ребятишек, что ещё надо?

– Ты посмотри на своих сверстников, идиот! Они крутят миллиардами! Долларов, заметь!

Чего смотреть? Каждому своё!

– А ты знаешь, что оно, твоё?

Что бы то ни было. Моё – только моё. И ничьё больше.

– Не будь глупцом, Миклуха! Разве так надо жить? Разве жена и дети – идеал? Да знал бы ты, что все беды твои от них!

Какие ещё беды?

– Да ты же глубоко болен, Миклуха. Даже спирт пополам с канализационной водицей, которым пользуется тебя дед, не спасёт! Ты тяжело и почти безнадежно болен!

Чем это, интересно знать?

– Не прикидывайся! Сам знаешь, чем! Голова твоя вот-вот расколется изнутри. Эта вонь погубит тебя!

Миклуха потянул носом. Лучше бы он этого не делал. Тяжёлый резкий дух перебродивших помоев с гнилью и прогорклым жиром попеременно с испражнениями заполонил его черепную коробку, пропитал мозг и сдавил голову изнутри.

– Видишь, как тебе плохо? А будет ещё хуже! Знаешь, почему?

Если бы он только знал! Сделал бы всё, что угодно, только бы избавиться от вонючей боли!

– Ты даже не спросишь, откуда я и кто?

Да плевать мне на тебя с пяти метров, ничего я не знаю, и знать не хочу!

– Я твой ангел-хранитель. Только я знаю твоё истинное предназначение, и только я смогу спасти тебя!

Ангел-хранитель. Это что-то из области фантастики или мистики?

– Не угадал, Миклуха. Я – это «объективная реальность» помнишь как говорил вождь пролетариата?

«... существующая независимо от нашей воли, данная нам в ощущениях...» – мысленно продолжил Миклуха.

– Именно! А ну-ка, вдохни глубоко!

Ещё чего не хватало!

– Не бойся, вдохни полной грудью! Или слабо?

Миклуха вдохнул, глубоко потянув носом. Странно, воздух оказался свежим и приятным!

– Видишь, как я могу! Показать тебе всю правду?

Это, смотря какую. Не каждый человек хочет знать всю правду.

– Это правда такая, без которой ты погибнешь! Глянь на экран телевизора!

Миклуха посмотрел на телевизор. Отключенный от сети шнур свисал до пола. А на экране шёл какой-то фильм. Цветной, не тяп-ляп!

Какой-то мужик, очень прилично одетый, сидел за столом и курил дорогую сигару. Перед ним стояло несколько телефонов, лежала куча бумаг с печатями. На некоторых листках отчётливо видны иностранные буквы. Мужик достал авторучку «паркер», вздохнул, что-то подписав, нажал на кнопку вызова. Тотчас заскочила секретарша с блестящими коленками, подхватила подписанный документ и умчалась.

Мужик безразлично посмотрел ей вслед. Он ждал другую. Вошла симпатичная женщина. Русоволосая, с умопомрачительной причёской, фигурой манекенщицы в платье, от которого дышало деньгами. Она обняла мужчину, присев рядом. Их руки переплелись на столе, на пальцах красовались одинаковые обручальные кольца. Да, Миклуха тоже бы не отказался от такой супруги, хотя...

– Ты ещё ничего не понял? Да приглядиись внимательнее! Это же знакомый тебе мужик!

– Бог мой, да ведь это я!

Экран мгновенно погас.

– Да, это ты. Только не надо поминать Создателя!

– Почему? – вслух спросил Миклуха.

– Да потому, что я послан на твоё спасение, и незачем трясти моё начальство!

– Понял. Могут подумать, что ты не справляешься!

– Голова у тебя работает. Значит, не всё потеряно! Видел, какая судьба тебе уготована? С самого рождения, что ли? Почему тогда...

– Именно! – не дал додумать голос, – Знаешь ли ты, сколько людей занимается не своим делом?

Конечно, Миклуха знал! В первую очередь он подумал о правительстве.

– Видишь, как много ты знаешь! – подбодрил его голос. – Беда твоя, что не своим путём идёшь. Но ты в этом не виноват.

Кто тогда виноват? Ты и виноват – не на тот путь наставил! Тоже мне, хранитель–управитель!

– Не будь идиотом! Как тебя мог наставить? Вспомни, при каких обстоятельствах ты женился!

Да, обстоятельства были все против них с Натальей. Мало несогласия её родителей, ещё и здание ЗАГС сгорело. Пришлось регистрироваться в другом районе города.

– А теперь вспомни, сколько человек погибло из-за баб?

Миклуха начал перебирать в голове знакомых, известных литературных героев, сказочных персонажей. Голова загудела от напряжения. Почему он должен вспоминать, какого чёрта? Разум Миклухи запротестовал.

Немедленно возобновилась головная боль. Невидимый обруч сдавил череп до треска.

– Зачем противишься? Без меня тебя никто не спасёт!

Где ты раньше был, кем бы ты ни был?!

– Сам знаешь, не мог я просто взять и вмешаться в твою жизнь. Только когда она оказалась в опасности. Я не жду от тебя благодарности, только послушай меня, а потом поступай, как хочешь!

Ладно. Послушаем. Кое-что интересное есть.

Боль исчезла так же внезапно, как появилась.

Почему бы её ни убрать вовсе, а?

– Ты многого хочешь от меня. Не забывай, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих!

Этот юмор Миклуха где-то уже слышал.

– В каждой шутке есть доля ... шутки, понял?

Значит, ты послан шуточки шутить: то болит голова, то не болит, то дышать нечем, то легко и свободно!

– А знаешь, что? Брошу я тебя! Живи, как можешь, если получится! – разозлился голос. Обруч так сдавил голову, что Миклуха встал на колени уткнулся лицом в подушку.

А голос куда-то исчез. То надоедал своими нотациями, то бесследно пропал! Или его не слышно из-за подушки?

Миклуха оторвал голову, но услышал только отдалённый гул. Среди монотонного шума донёсся еле слышимый голос Виктора.

– Не сдавайся, Миклуха! Это совсем не тот ангел! Не во спасение...

Странные слова! И прервались, как будто кто-то заглушил эфир.

Начались галлюцинации? Тягунов намекал про «белку»? Нет! Головная боль и резкая вонь реальны. Миклуха сел в кровати, зажав нос, движения давались ему с трудом, как будто одет был в скафандр.

Легко тебе говорить, Виктор. Не сдавайся! Кому? Болезни? Вонь? Мозг Миклухи отказывался работать. Извилины, казалось, при малейшем движении задевают друг за друга, вызывая электрические разряды.

Кто, не тот ангел? Или не ангел вовсе? Но пока он говорит, нет ни боли, ни вонь! Дак то бы это ни был: ангел–хранитель, бес–искуситель, появиись хоть на миг, чёрт подери!

– Всё же ты понял, что без меня тебе хана!

Боль испарилась.

– Повторяю ещё раз, тебе нужно сделать свой выбор самостоятельно. Я прислан не для того, чтобы облегчить тебе страдания перед смертью. Я буду спасать тебя от гибели! Смотри теперь, что ожидает тебя, если ты не поймёшь меня!

Миклуха посмотрел на экран отключенного телевизора. От увиденного его бросило в жар, волосы на голове задрожали. Мало занимательного, увидеть себя самого в таком облиии.

Тот самый респектабельный мужик, то есть сам Миклуха, но уже не в костюме и при галстучке, а в засаленной робе. В ней Миклуха ходил в прошлом году после аварии на нефтепроводе. Изгаженный коричневатой зелёной слизью, мужик лежал на земле припорошенной грязным снегом. Слизь выползала его носа, изо рта, из ушей, из глазниц. Именно из глазниц, потому что глаз совсем не было! Несмотря на плачевное состояние, мужик ещё шевелился: пытаясь встать, поднимался на локтях и снова плюхался в мерзкую жижу.

– Хватит! – заорал Миклуха. – Довольно с меня фильмов! Я всё равно ничего не пойму!

– Тогда слушай меня внимательно, и не перебивай!

Я согласен, на всё согласен – только убери эту вонь!

И голос начал убедительный диалог, на время освободив Миклуху от всех неприятных ощущений.

Глава 16

Ваня вдруг начал задыхаться. Он открыл глаза. Вокруг – темнота без всякого просвета. Похоже, сон спутался с явью. Ваня не мог определить, где он находится: в избушке Виктора или в поселковом спортзале?

Сильно сдавило грудь. Он ощутил тупые удары по всему телу. Ваня повернул голову набок и увидел небольшой просвет между спортивных матов.

Вот в чём дело! Кто-то забросал его матами и топчется сверху!

– Э–э! Быстро прыгивай!

– Ожил, Хрен собачий! Получай! Получай! – Колун прыгнул ещё раз, затем подпрыгнул повыше и с удовольствием приземлился в место, где по его расчётам должна находится голова противника.

– Ты чего хочешь, Колун? – задыхаясь, выкрикнул Ваня.

Колун сосредоточенно сопел, продолжая топтаться поверху. Ваня изловчился и наполовину выскользнул из-под мата.

Колун заметил движения Хренова и с размаху прыгнул ему на голову. В последний момент он поскользнулся и промазал, грохнувшись задом на пол.

Ваня полностью освободился из-под гнёта, подскочил к Колуну и врезал ему, как учил отец. Ребром ладони по шее с левой стороны. Ваня хотел немедленно добавить, но Колун отключился. Он упал навзничь и не поднимался.

– Что, Колун, допрыгался? Ноги-то, пообрываю!

Молчание.

Похоже, Колун затаился, задумывая очередную пакость.

– Что молчишь? Добавки хочешь? Смотри, я ведь и прибить могу!

Колун не отвечал. Ни словом, ни движением.

Обеспокоенный Ваня тотчас оказался рядом. Держа наготове правую, зажатую в кулак, посмотрел в лицо Колуна. Противник посинел и не дышал.

Вот, сволочь! Сдох?

С перепугу Ваня начал шлёпал Колуна по щекам. Сначала легонько, затем сильнее. Колун не оживал. Отчаявшись, Ваня стал хлестать со всего размаху.

– Вставай, гадёныш! Вставай!

Сидеть в тюрьме за этого поганца не хотелось. Ваня задел ладонью по носу Колуна. Пошла тёмная, почти синяя кровь. Она посветлела на глазах до алой. Как замороженный Ваня, не двигаясь, наблюдал за этими превращениями.

– Ты чё, как баба ладошками махаешься? – завизжал Колун.

– А! Живой, значит?

Колун увидел глаза Ивана. Понял, что пощады ждать бесполезно. Он недоумевал, почему лежит на полу, а из его носа хлещет кровь. Почему это Хрен стал победителем? И вокруг никого! Никто не разнимет, не оттащит разъярённого Хрена! Колун с низкого старта рванул к запасному выходу из зала. Добежав до дверей, Колун увидел, что они открыты.

– Ну ты, Хрен моржовый, ещё и баба, оказывается! Ладошками махаешься! Я тебя ещё повстречаю! Я тебе ещё...

Колун не закончил своей угрозы, потому что Ваня сорвался с места. Колун так и выскочил на сорокаградусный мороз, одетый в трико и футболку.

Ваня не стал бежать за ним. Много чести для паршивца, из-за которого чуть в каталажку не угодил!

Молодец батя! Показал же приёмчик! Надо будет как-нибудь рассказать ему про этот случай. Жаль, мать не велит идти домой ночевать.

Иван закрыл за беглецом дверь. Одежку Колуна он выбросил в коридор. Всё равно обежит клуб и припрётся за своей фуфайкой и облезлой шапкой. Пускай забирает там, не мозолит глаза. Вот же, додумался! Набросил мат на спящего и начал топтаться: убить хотел, что ли? Да ещё сон приснился непонятный, дурной сон какой-то.

Ваню беспокоил этот сон. Мало того, что он уснул среди бела дня в пустом спортзале, так ещё и кровь привиделась. И батя с топором. Ваня любил разгадывать сны, читал сонники и разные пророчества. Обычно разгадка приходила сама собой, но сейчас он ничего не понимал.

– Печка, – рассуждал Ваня вслух, – домашний очаг! Но она развалилась. Это плохо.

– Библия – хорошо, покой, радость. Но она загорелась в руках! Опять плохо. Но не вся же сгорела! Не совсем плохо.

– Отец и дядя – родственники мужского пола. Кровные. Кровь. Кровь на топоре – это как? Смерть родственников!

Ваня родственников не знал. Только семью и дядю Виктора. Никто из них не собирался умирать от болезни, старости и ещё от чего-то. Может, со стороны матери, есть какие старички? Ваня успокоился. Никаких подробностей сна он не помнил. С эти придурком Колуном всё из головы повывлетало! А Колун-то, вправду мог сдохнуть! Вон, пол как изгадил.

Перед глазами Вани снова появился топор в руках отца. А кровь-то настоящая, как у Колуна! Он вспомнил, как сильно жгло пальцы, посмотрел на руки – никаких ожогов! Значит, яркие ощущения означают скорое сбывание сна наяву!

Некоторое время Ваня сидел в шоке. Сама смерть, казалось, коснулась его холодной ладонью. Но кто? Дядя Виктор приснился, значит не он. И не отец! Сам Ваня? А что, Колун хотел его покалечить. Может, сон перед дракой?

Ваня махнул рукой и принялся укладывать маты.

Через несколько минут спортзал оживился, набежали пацаны и отвлекли Ивана от неведёлых размышлений.

Глава 17

Яркое солнце освещало червонно-золоченные маковки монастыря. Сквозь стекло, солнечные лучи излучали тепло. Настоятель монастыря игумен Мефодий задумчиво потрогал столешницу. Нагрелась. Третьи сутки отца Мефодия беспокоили нехорошие предчувствия.

Больше года прошло с тех пор, как Господь сподобил отца Мефодия с братией на Духовную брань. За это время не произошло ничего из ряда вон выходящего. А теперь, похоже, случилось. Отец Мефодий посмотрел на солнце, перекрестился и призвал к себе инок Андрея.

Андрей пришёл из мира недавно, инок имел навыки работы с современным оборудованием: компьютером, принтером, ксероксом и прочими премудростями. Андрей занимался вопросами почтовой связи, распространением Богоугодной литературы.

Зайдя в келью, инок Андрей приветствовал настоятеля и доложил о поступившем телефонном сообщении по экстренному каналу связи.

– Удалось определить место, откуда звонили?

– К сожалению, связь прервалась. После обработки полученных данных определилось место звонка. Северный Урал. Район неблагоприятный по защите энергии.

Игумен кивнул. Он помнил 1959 год. Тогда произошла трагедия на горе Мертвецов. Погибло девять молодых альпинистов. В месте их исчезновения было замечено появление множества НЛО. Обстоятельства гибели альпинистов остались неизвестными, а причину знали лишь немногие, посвящённые люди. Сколько времени и сил понадобилось для восстановления инферно! Об этом отец Мефодий мог только догадываться. А теперь, вновь тревога с тех мест.

– Что ещё удалось выяснить?

– Благодаря нашему спонсору, – начал инок.

Отец Мефодий поморщился. Их меценат, вор в законе Антон Павлович хоть и покался во всех грехах, но грабить народ не перестал. Только теперь, не с ножом и пистолетом, а манипуляциями с клавиатурой.

– Удалось выяснить, – продолжал инок, – что звонок сделан с железнодорожной станции Синюха. Голосовые данные абонента расшифрованы, что позволило сделать некоторые предположения о его личности.

– Какие предположения?

– Он сказал всего три слова, поэтому удалось узнать самое малое. Это человек молодой и образованный.

– В какой сфере?

– Скорее всего, в технической. Он связан с управлением людьми физического труда. Он немного напуган. Скорее всего, он выполнил чью-то просьбу.

– Брат Андрей, твоя техника смогла узнать что-нибудь о внешности звонившего?

– У него высокий лоб и вставные передние зубы. Звуковые колебания, проходящие через резонансные пазухи, позволяют заподозрить хронический гайморит. Пожалуй, это всё.

– Выходит, с нами связывался человек, работающий на Севере, в нефтегазовой промышленности в должности инженера. Ему приходится работать не в кабинете, а на промыслах, – заключил отец Мефодий. – А что говорит машина о вредных привычках?

– Он курит, спиртное употребляет в меру. Степень развития интеллекта на уровне средних стандартов. Информации о семейной жизни получить не удалось. Слишком мало материала для анализа. Можно предположить, что этот человек оказался на станции случайно.

– Так оно и есть. Слава Богу, это не гора «Холат Сяхыл». Но и в Тюменской области крупный источник разрушения инферно, едва ли не самый большой в мире, – рассуждал вслух отец Мефодий.

– Связь прервалась внезапно. Помехи оказались настолько сильными, что наше антиблокирующее устройство на время вышло из строя. Когда я попытался проникнуть в компьютер станции, оказалось, что разговор и наш номер начисто стёрты из памяти жёсткого диска.

– Это вмешательство не человека. Посему, требует неординарных мер! – заключил игумен.

В тот же день в монастыре отслужили один из главных молебнов, и настоятель удалился в свою келью.

Инок Кирилл почувствовал на себе благодать Божию. Архангел Михаил явился ему с напутствием. Кириллу предстоит необычная и опасная миссия, и он обязан выдержать все испытания и одержать победу.

Когда инока вызвал настоятель, Кирилл внутренне был готов к новому послушанию.

Брат Андрей показал ему, как пользоваться устройством связи с монастырём из любой точки земного шара.

Отец Мефодий благословил инока, и тот, приняв мирское обличие, покинул монастырь.

Никто не мог знать, сколько испытаний предстояло вынести молодому иноку Кириллу, выпущенному по велению Бога в забытый им жестокий мир.

Глава 18

К вечеру в посёлке поднялся буран. Не простой снегопад с ветром и обычная выюга. Никто из старожил не помнил такого бурана.

Старожил на Севере — понятие относительное. Прожил десять–пятнадцать лет. Уже старожил. Если сумел протянуть больше двадцати – почти хант. Хотя, настоящих хантов в посёлке нет. Они ушли к Полярному кругу. Настоящих старожил, аборигенов в их родном Ханты–Мансийском округе, раз–два и обчёлся. Манси живут на Северном Урале, ханты – в Ямало–Ненецком округе: в местах малозаселённых, где ещё не появились промышленные разработки.

Задолго до открытия месторождения нефти ханты покинули посёлок.

Только по ему одному известным признакам старейшина общины объявляет участок тайги: гору, холм, болото – проклятым местом. Община снимается и уходит в места благословенные.

Ветер дул именно с такого проклятого места. То было «чудо природы» по определению геологов. Незамерзающее болото. Оно втягивало в себя людей и технику.

Зимой, когда почва промерзает, образуется зимник. Дорога, по которой можно проехать до самой Большой Земли. Едут люди по такому зимнику, видят огни посёлка. Зимняя дорога узёхонькая, да ещё даёт крюк перед самым домом. А тут – широкий зимник! Вот и ехали на огоньки через болото, и топили технику, едва успевая выскочить из кабины. Кое-кто и не успевал. Зачем опытный водитель поехал через болото? Никто, как и он сам, ответить не мог. Была широкая дорога, и не стало её.

Или вертолёт. Летит с грузом, закреплённым тросами, а над «чудом природы» безо всяких причин начинает падать. Приходится отцеплять груз, который тонет в болоте.

Ни растёт на этом болоте ни морошка, ни клюква. Не бегают кулик, не квакает лягушка. Только серые тучи нетрвоженных комаров висают над зыбкой топью.

Отсюда подул ветер. Буран всё крепчал, порывы бешеного ветра едва не сбивали с ног. Пацаны, выйдя из поселкового клуба, на миг оцепенели. Не видать ни огонька, дорога переме-

тена снегом. Клим шагнул вперёд и тут же провалился по пояс. Игорь вытянул незадачливого первопроходца за ворот полушубка.

– Надо по краешку, вдоль стены выбираться! – сказал Гордей. Но только он попробовал двинуться с места, как целый столб снега отбросил Гордея назад.

Игорь захлопнул выход.

– Остаёмся в клубе! – сказал он. – Пока буран не уляжется.

Решение старшего никто не оспаривал. Подростки вернулись в тёплый спортзал, уселись на ковре из матов по центру зала и начали травить анекдоты. Но весёлые истории не казались смешными, под завывания ветра голоса звучали жутко. Беседа сама собой перешла к страшным историям.

– Вот мне отец рассказывал, – начал Клим очередную страшилку. Пацаны прислушались. – Когда он работал в санавиации...

Клим выдержал паузу, слушатели насторожились.

– Их послали на буровую, – продолжил философ, – там было подозрение на аппендицит у одного мужика. Вертолёт летел с попутным грузом. Полный салон бочек с солярой. Батя с медсестрой еле как уселись на скамейку у окошка, поближе к пилотам. А погода была, как сейчас. Ветер ураганный! Вертолёт кое-как взлетел! Лётчик сказал, что надо снять груз, но старший пилот отказался. Ему не хотелось летать по несколько раз в такую погоду. А по рации уже орал, что мужика надо срочно в больницу. Только они взлетели, началась пурга, как сейчас. Вертолёт замотало справа налево, как качели! Батя кричит пилоту: «Надо выбросить балласт!» А тот и ухом не ведёт. Вертолёт всё раскачивает и раскачивает. Медсестру вырвало. Чтобы никто не видел её в таком виде, медсестра продвинулась ближе к двери...

Как бы вспоминая, Клим почесал затылок.

– И тут, тр-рах!!! – громко подшутил Гордей.

Тотчас после его слов со страшным грохотом раскололось оконное стекло. Обломки рассыпались на пол. Сквозь железную решётку ворвался ветер. Все затихли. Затаив дыхание, пацаны уставились на разбитое окно. Ветер свободно загулял по залу, увлекая за собой колючие снежинки.

Похолодало. Пацаны разом заговорили. Высказали предположения, что это кто-то кинул камнем, или ветер поднял какой-нибудь кирпич и швырнул в окно. Так или иначе, до конца бурана ещё далеко. Игорь отправил Гордея с Климом заделать дыру в окне: поставить мат вплотную к остаткам стекла, между решёткой и рамой. Игорь с Иваном вышли из спортзала, чтобы выключить вентилятор.

Они прошли по пустому коридору. Сторожа не было на месте. Обычно старичок Агафон сидел в своей будочке, курил, играя в шашки с самим собой. Дверь на улицу была закрыта на задвижку изнутри.

– Где Агафон? – спросили пацаны друг у друга. Оба в ответ пожали плечами.

Игорь вспомнил, что сторож сидел на месте, когда они всем скопом возвращались. Кажется, он что-то сказал.

Иван заглянул в окошко будки. На столике стояли шашки в незаконченной партии: белая готовилась прорваться в дамки – чёрные беспомощно застыли в ожидании ходов. В пепельнице, обломке спортивного кубка, лежала единственная недокуренная «беломорина». Папироса потухла самостоятельно. Если дед закончил курить, по привычке раздавил бы бычок о дно пепельницы.

– Куда делся старик? – шёпотом спросил Ваня.

– Может, в туалет пошёл? – предположил Игорь. Голос его едва заметно дрогнул. Как старший Игорь быстро взял себя в руки и предложил обойти весь клуб.

Кинозал закрыт. В фойе для танцев темно. Дверь на второй этаж заперта аж на три замка. И кругом, ни души!

Ребята зашли в туалет. Света тут не было.

– Дед Агафон, ты тут?

Тихое журчание воды в разбитом унитазе, больше ни звука в ответ!

– Всё это дурно пахнет, – сказал Игорь и усмехнулся. Как ещё может пахнуть в туалете?

– Мистика какая-то! – сказал Ваня, приободрённый уверенностью старшего друга.

– Ладно, всё равно нам пока не выйти. А потом дед найдётся, чтобы закрыть за нами дверь. Когда буран закончится.

– Когда буран закончится, – повторил Иван.

– Ладно, пошли сами поищем, где этот выключатель!

– Где искать-то?

– Если бы я знал! Наверное, в щитовой. Вот это, что за дверь? – Игорь ткнул в обшарпанную фанеру, окрашенную когда-то в жёлтый, затем в синий цвет. Он толкнул дверь рукой и тут же захлопнул обратно.

– Пошли в зал! – заторопил Игорь, побледнев. Иван перепугался, хотя ничего не видел. Взявшись за руки, как малые дети, они рванули, что было сил к спортзалу.

Ремонтники к этому времени закончили. Ребята умудрились впихнуть в промежуток между решёткой и рамой аж два мата. Закрыли щель наглухо и теперь любовались своей работой, как произведением искусства.

Ни слова, ни говоря, Игорь закрыл двери на все щеколды. Потом он отнёс одежду ребят к запасному входу, куда смылся Колун. Глядя за старшеклассником, ребята поёжились от страха.

Вдобавок, раздался громкий хлопок, стало намного темнее. Пацаны присели от неожиданности, одновременно повернув головы на звук. Оказалось, лопнула лампочка в прожекторе над воротами для мини футбола.

Только и всего! Сколько раз она лопалась во время игры, и никто не обращал внимания! Все разом вздохнули. Но это был вздох не облегчения. Каждому казалось, что более страшное впереди. Не сговариваясь, пацаны подтащили гимнастического коня к дверям, собрали маты ближе к запасному выходу, присели.

– Чего вы там делали? Почему вентилятор до сих пор работает? – спросил Гордей.

– Хочешь узнать, чего? Сходи сам туда и посмотри! – предложил Иван, заметив, что Игорь не собирается отвечать.

Гордей посмотрел на забаррикадированные двери. Ему стало жутко. Тем больше хотелось знать, чего испугался старшеклассник Игорь!

– От кого вы убегали?

– Это всё твой «Тр-рах!» Накаркал! – сказал Клим.

– Тебя-то, как раз, никто не спрашивает! – огрызнулся Гордей.

– Хватит цапаться! – сказал Игорь. – Там ничего особенного нет. Просто, ни души, и тишина.

– Ага! И мёртвые с косами стоят, ха-ха! – нервно хихикнул Гордей.

– Висят, – поправил Игорь.

– Что?!

– Что слышал! Смелый? Иди, выключи вентилятор, я покажу, где щитовая!

– Спорнём, схожу?

– Сходи!

– Да ладно тебе туман пускать! Скажи, что там было?

– Дед Агафон повешался в щитовой!

– А язык у него был снаружи? – как специалист поинтересовался Клим.

– Если такой умный, сходи и проверь! – вмешался Иван. Он верил Игорю.

– Снаружи, – ответил старшеклассник Климу, – и язык снаружи, и весь синий висит.

– И что тут страшного? – не унимался Клим. – Повешался дед. Что из этого? Пойдёмте, посмотрим! Или зассали?

Вызов тихони–философа прозвучал как оскорбление. Да никто не зассал!

Они подошли к двери, отодвинули в сторону коня. Первым вышел смельчак Гордей.

Из конца длинного коридора доносились звуки музыки.

Ваня переглянулся с Игорем. А Гордей уже дошёл до будки сторожа.

– Привет, дед Агафон!

Ребята прибавили шаг. Шутник, однако, Гордей!

А Гордей говорил с дедом Агафоном. Сидит себе сторож, улыбается. Язык, как положено, во рту у конца папироски.

– Что, ребята, накувыркались? Теперь можно и на танцы!

В вестибюле, действительно, играла музыка. Они подошли к дверям выхода.

– Ну, ты даёшь, Игорь! Вот, приколист! Я чуть не поверил! – трещал без умолку Гордей.

– Да там людей, целая танцплощадка! – сказал Клим, прижавшись к тёмному стеклу дверей в вестибюль.

Не веря собственным глазам, Иван и Игорем в тупом оцепенении глядели на силуэты танцующих. На момент их взгляды пересеклись, оба смотрели на дверь выхода. Щеколда замкнута до отказа! Это означало: никто не входил в клуб с улицы!

Даже если дед Агафон открывал кому-то двери, то закрыть щеколду до конца он бы не сумел. Это мог сделать единственный человек в посёлке – Игорь.

Все пацаны хорошо помнили, как на спор заржавленную щеколду задвинул до конца только Игорь. У остальных участников соревнования не хватило техники и терпения. На одном участке на щеколде зазубрина, она-то и мешает продвижению засова. Игорь умудрился повернуть по оси круглую болванку на определённый градус в определённом месте. После чего, щеколда с небольшим усилием закрывалась до конца. Теперь это вошло в привычку, Игорь всегда закрывал двери клуба своим секретным способом.

Гордей с Климом поначалу не поняли, почему им немо сигналият на закрытую дверь? Потом они вспомнили, что в фойе, где идут танцы, вечером никого не было. Оба тупо уставились на запёртую входную дверь.

Музыка зазвучала громче. В отблеске матового света цветомузыки появилась тень. Возле двери сквозь стекло просматривались контуры атлета. Он начал дёргать ручку на себя, хотя дверь открывалась внутрь. В щели между рамой и косяком блеснула щеколда внутреннего замка. Двери запёрты! Неизвестный атлет стал давить на дверь сильнее, стекло затрещало. Подростки побежали по коридору в спортзал.

У будки сторожа путь им преградил дед Агафон. Он встал в проходе узкого коридора, разведя широко в стороны руки и ноги.

– Идите танцевать, ребята! Нечего сидеть в вонючем спортзале!

Сзади лопнуло стекло дверей из фойе.

Клим и Гордей с обеих сторон щучкой проскользнули между расставленных рук и ног сторожа. Ваня с Игорем замешкались.

Агафон резво обернулся, схватил Гордея за шиворот и отшвырнул его под ноги Ивану. Оба подростка грохнулись на пол.

– Да ты, дед, оказывается, здоров как бык! – сказал Игорь, принаравливаясь к броску.

– А то! – ощерился Агафон. – Говорю ж, вам, идите, танцуйте, дурачье!

– Оскорбляешь, старик! – взорвался пострадавший Гордей, кинувшись на сторожа.

В это время Игорь уже захватил старика за ворот и ремень. Бросок вышел крайне неудачным. «Коряга», по выражению тренера. Захватом левой руки старика Гордей испортил всю красоту приёма. Агафон упал точно головой вниз. «Воткнулся», что называется. Его левая рука

осталась на изломе в захвате Гордея. Хрустнули кости. Казалось, дед не поднимется никогда. Нападавшие в ужасе от содеянного застыли на месте. Это уже не игра!

Дверь из фойе затрещала по всем швам. Похоже, не один человек рвался наружу. Пацаны перепрыгнули через деда Агафона и дали дёру в сторону спортзала. Они бежали, спотыкаясь друг о друга, хватая друг дружку за одежду и нервно хихикая.

Рядом с дверьми зала они остановились перевести дух.

– А где Клим?

– Остался, наверное.

– Он первым сиганул!

– А вдруг остался?

Идти проверить никто не захотел. Решили, что если философ остался позади, то судьба его такая.

Игорь прислушался. К ритму мелодии добавились разнобойные голоса.

– Сюда идут!

Шаги зазвучали отчётливее. Судя по всему, к ним топало несколько не вполне трезвых людей. Ребята решили уйти в зал, не тратя времени на разговоры. Они шагнули в тёмный отсек перед дверьми спортзала.

Вдруг за спиной загорелась лампочка. Ребята не успели удивиться этому – перед ними стоял дед Агафон!

Его губы скривились в злобной усмешке. Левая рука деда повисла, как плеть. Здоровой правой он перегораживал путь. Голова деда свисала на левое плечо. Он повернулся к Игорю. Голова при этом покачнулась и запрокинулась назад. Поперёк шеи Агафона отчётливо виделась синяя полоска с белыми толстыми точками, как на ремне. Сторож взял себя за волосы и повернул голову лицом кпереди. Кроваво-красные глаза с ненавистью уставились на ребят.

– Вы пойдете танцевать! Сегодня танцуют все! – прохрипел дед Агафон.

– Топ, топ, топ! – в подтверждение словам деда прозвучали близкие шаги.

Гордей зашёл со стороны сломанной руки деда, но тотчас получил сокрушительный удар, сваливший его с ног. Агафон бил профессионально, ногой с полуоборота. Развернувшись, он локтём нацелился в подбородок Игорю. Ваня понял намерения старика, в прыжке повис на руке сторожа. Непонятно как, в следующий миг Ваня оказался у стены, ударившись затылком о плитус.

Оставшись один на один с Игорем, старик ухмыльнулся. Он достал из-за пазухи нунчаки и принялся размахивать перед собой. Будто бы случайно он задел угол стены, выбив оттуда половинку кирпича.

Игорь отпрыгнул. Шаги сзади приближались.

Дед подошёл к Ивану, который лежал ближе, размахнулся, чтобы вышибить мозги из мальчонки не желающего танцевать. Очухавшийся Гордей в отчаянии прыгнул на старика, пролетел метра два и ... оказался в пустом спортзале.

Ничего не понимая, он протёр глаза. Так и есть, он внутри зала! Чьи-то руки подняли его с пола. Гордей окаменел от страха.

Но это был Клим!

Скованность как рукой сняло, Гордей вскочил на ноги и увидел, как ребята баррикадируют дверь. Все в сборе: Игорь тут и Ванька. Он был готов расцеловать друзей от радости!

Проход завалили спортивным инвентарём. Ваня широко перекрестил двери. Никто даже не усмехнулся. Ничего более естественного в их положении не было.

– Ай да, Клим! Как ты допёр? – спросил Игорь.

– Я вначале забежал в спортзал, – сказал Клим.

– Ясно, что не в щитовую! – прервал его Игорь. – Откуда ты узнал, что творится за дверьми?

– Так вот, – продолжал философ, – сижу я, значит, скучаю тут в одиночестве. Вдруг, слышу голоса. Признаться, чуть не умер от страха, но прислушался. А это вы говорили между собой. Хотел откликнуться, но мне не понравилось, как вы сказали: «Пропал Клим, значит, судьба его такая!»

– Ну, ты хитрюга! – Игорь дружески похлопал Клима по плечу.

Иван с Гордеем не поняли. Игорь никогда не питал особой симпатии к философу.

– Если честно, то когда я подошёл к двери, мне почудилось, с той стороны кто-то стоит. Я решил, если это так, вы первыми увидите и скажете, кто это. Ну, а потом всё и началось.

– Как тебе пришло в голову?

– Ничего особенного.

– Ладно, не скромничай! Расскажи, а то пацаны-то ничего не поняли. Ванька за кадром оказался, а Гордей вообще вылетел, точнее, влетел прямо в экран. Если по-киношному выражаться!

Гордей громко расхохотался. К нему присоединился Игорь. Вскоре смеялись все вчетвером. Взахлёб и в полный голос! Смех разрядил напряжённость, развеял тревогу.

– И всё-таки, расскажи! – сказал Игорь, закончив смеяться.

– Что тут рассказывать? Двери двустворчатые: открываются в обе стороны. Я открыл нижние шпингалеты. А дальше, всё видели сами. Распахнул двери наружу, все и делов!

– Распахнул, это ты в своём классе расскажешь, – Игорь посмотрел на ничего непонимающих ребят. – У нашего диск-жокея от такого распахивания башка раскололась в нескольких местах! Не долго думая, я хватъ Ивана за шкварник, и в зал. А ты уже сам залетел! – кивнул он Гордею.

– Это мой секрет. У тебя же есть секрет с задвижкой? Пусть и у меня будет!

Иметь собственный секрет философу не полагалось, и ребята вынудили его открыть тайну. Оказалось всё до гениальности просто. Услышав возню, Клим сообразил: если дед убьёт товарищей, то и до него доберётся. Этой мыслью Клим делиться не стал. Он показал механизм, спасший их всех. Итак, он понял, что дед стоит у самой двери, и вырубить его будет не сложно. Надо только ударить его дверьми, но где взять силу? Тогда Клим начал соображать. Двери открываются как наружу, так и внутрь. Сейчас они сделаны кнутри. Значит, надо поменять пружины местами. Он закрыл шпингалет и перекинул пружины наоборот. Затем установил коня дыбком. «Ногами» к самому верху дверей. А потом дёрнул за шпингалет: двери распахнулись как из пушки! В зал влетел Гордей, едва не сбив Клима с ног.

В результате, двери открываются кнаружи, все шпингалеты закрыты, двери забаррикадированы.

Ребята расселись на матах в центре зала, как будто ничего не происходило.

За окном по-прежнему шумел ветер, запасной выход завалило снегом. Мерно гудел вентилятор. И никаких звуков из коридора.

– Ну, давай, рассказывай, что с тем мужиком стало!

– С каким мужиком? – не понял Клим.

– С тем, у которого аппендицит был!

– А, вот вы про что! А сколько сейчас времени? Ведь, уже часов одиннадцать?

Игорь достал часы из кармана полушубка. Хорошо, не надел их на руку – конец бы часам после таких передраг!

– Сколько ты сказал, Клим?

– Около одиннадцати где-то.

– Посмотри на часы! – Игорь показал циферблат всем.

Позолоченные стрелки показывали половину первого.

За окном шумел буран – ветер дул с гнилого места...

Глава 19

Пожалуй, никому не дано предвидеть своё будущее. Живёт себе человек, ни о чём не задумывается. Вдруг, оказывается, жил не так и поступал неправильно – растратил отпущенное время беспечно и беспечно.

В последнее время Миклуха стал быстро уставать и помногу спать. Во сне он и узнал, для чего появился на свет. Спасибо ангелу, помог разобраться. Подсказал, что делать и с чего начать. Главное, кто виноват!

Миклухе снился сильный буран. Или в комнате похолодало? Он силился, но не смог проснуться...

Этот грёбаный буран чуть не сбил все его планы. Миклуху застала стихия по пути домой. Он нёс оружие возмездия под полой рабочего полушубка. Никто ему не встретился. Миклуха всем телом ощущал незримую помощь. Значит, блестящее будущее не за горами! Эта мысль согревала и помогала преодолевать вновь наметённые сугробы.

Свет в окне горел. Наталья дома. Замечательно! Хотя, может, не сейчас?

Сейчас или никогда! – застучало в голове Миклухи. Или это опять Голос? Впрочем, неважно. Важно, что в цеху и на улице ничем не воняло!

Это Наталья источник всех гадостей, больше некому. И почему она решила выбрать его для своих гнусных целей? Зачем хочет погубить мужа?

Не время для философии! Действуй, или навсегда останешься убоимком!

Миклуха молча разделся. Осторожно, чтобы не громыгнуть ненароком, поставил топор в уголок за тумбочку.

– Что, отработал на сегодня?

Миклуха от неожиданности живого голоса жены вздрогнул. Нос его заложило. Но он виду не подал. Надо быть похитрее, итак всю жизнь прожил простофилей!

– Да, задержался немного. Спецзаказ выполнял.

Услышав о «спецзаказе», Наталья потянула носом. Нет, вроде бы ни грамму не принял. Она порадовалась. Значит, всё будет по-старому. Это пьянство было только тёмной страницей их совместной жизни.

Миклуха ухмыльнулся. Она ещё нюхает! И ведёт-то себя, как ни в чём ни бывало. В какую же ловушку он угодил!

– Коля! А меня на учёбу начальство направляет! – похвасталась Наталья.

– Как это?

– А вот так. Вызывает сегодня к себе наш Саныч и говорит: «Ты, Наталья, слышал, в МГУ училась?» Да, говорю, было дело. «Значит справишься. Нужен нам секретарь–референт со знанием английского и ПК. Как у тебя с этим?» Я говорю, что английский еще, куда ни шло, а вот ПК... Он мне: «Вот и поедешь на курсы, освоишь технику. Вот, путёвка, командировочные, выезжаешь завтра. Через три недели жду в качестве нового специалиста!»

– А ты что?

– Я говорю, если откажусь?

– А он что?

– Не знаешь его? Говорит: «Тогда уволю».

– Что решила?

– А ты как?

– Езжай, конечно! Что тут думать?

– А вы тут как без меня?

– Справимся! Не сомневайся! – заверил её Миклуха. А что? Перестанет чистить конторские сортиры, и вонять от неё перестанет?

Дурак ты, дурак! Она же на твоём горбу карьеру делает, а ты за это время загнишься!

Верно, так и будет. Решил Миклуха. Если не он сам, то никто ему не поможет.

- А начальник тебя не уволит за эти три недели?
- Что ты! Он же человек сто уже «уволит». До сих пор работают! Ты же его знаешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.